

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

№ 8/2020

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 8/2020

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Чупилин Д.А.** Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия

9 **Комарицкий С.И.** Стадии, функции и задачи арбитражных судов

14 **Хисамов А.Х., Шакирьянов Р.В.** Информатизация правоприменительной деятельности как фактор совершенствования механизмов упрощенного судопроизводства в гражданском процессе

21 **Гаврюшов Н.Е.** Сравнительная характеристика правового положения государственных органов в административном и гражданском судопроизводстве

26 **Бекашева Д.И.** Уведомление о вручении ответчику процессуальных бумаг в гражданском судопроизводстве

31 **Кузнецова Е.Х.** Соглашение о распределении судебных расходов в гражданском судопроизводстве

35 **Дегтярев С.Л., Боярский Д.А.** Переговоры как примирительная процедура

39 **Подшивалов Т.П.** Соотношение иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты

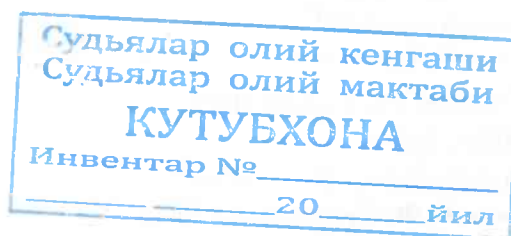
43 **Богданов А.В.** Отдельные аспекты преюдиции в арбитражном процессе при взыскании убытков, возникших в результате неправомерных действий органов, осуществляющих публичные полномочия

47 **Хотько А.В.** Условия охраноспособности географических названий в товарных знаках (знаках обслуживания): исследование административной и судебной практики

КРУГЛЫЙ СТОЛ

52 **Фагманова Э.И.** Принцип правовой определенности в контексте возобновления дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам

57 **Архиереев Н.В.** К вопросу о возможности отмены судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в части

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 21.07.2020.

Номер вышел в свет: 29.07.2020.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования.

Чупилин**Дмитрий Александрович,**

преподаватель кафедры

гражданского

процессуального и трудового права

юридического факультета

Южного федерального университета

dchupilin@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-3-8

Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия

Статья посвящена исследованию категории социальных споров в цивилистическом процессе. Раскрыты причины, обуславливающие необходимость повышенной защиты социальных прав. Исследованы понятие, юридическая природа и виды социальных прав. Обозначены подходы к социальному праву как элементу российской правовой системы. С теоретической и практической точек зрения обоснована необходимость выделения категории социальных споров, предложено авторское понятие социальных споров, сформулированы их существенные признаки.

Ключевые слова: социальные споры, социальные права, социальное право, гражданский процесс, административное судопроизводство.

Вопросы, связанные с защитой социальных прав, по-прежнему остро актуальны в современный период. Об этом свидетельствует удельный вес таких дел в структуре судебной статистики и безусловная значимость данной группы прав для любого человека. Так, согласно данным Судебного департамента ВС РФ, социальные споры, в том числе связанные с социальными гарантиями, составляют в структуре окончанных производством районными судами в 2016 г. 39,3 тыс. гражданских дел, или 1,0%¹. Наблюдается увеличение количества дел об оплате труда, рассматриваемых мировыми судьями в соответствии с подсудностью, с 373,7 тыс. дел в 2015 г. до 393,5 тыс. дел (4,4%) в 2016 г., или больше на 5,3%². По сведениям статистики, только за январь — май 2018 г. прокурорами Ростовской области выявлено 6 452 нарушения трудовых прав. Граждане, чьи социальные права оказались попораны, зачастую вынуждены искать поддержки не только в официальных инстанциях, но и у журналистов³. Такое положение дел не является случай-

ным, поскольку именно социальные права затрагивают самые ценные и дорогие сферы жизни любого человека.

В течение социалистического периода развития нашей страны люди привыкли к высокому уровню социальной защищенности, который ассоциировался в том числе с широким кругом провозглашенных на конституционном уровне социальных прав⁴, что было связано с общей направленностью построения социалистического государства. Дальнейшее историческое развитие нашей страны, резкий отказ от советского пути развития и переход к рынку привели к серьезным и системным социально-экономическим проблемам. В условиях продолжающегося до сегодняшнего дня переходного периода от государства социалистического типа к демократическому правовому государству потребность граждан в действенном обеспечении социальной сферы жизни общества лишь возрастает. Эта потребность обусловлена сохраняющимся глубоким разрывом между наиболее богатыми и наиболее бедными слоями населения, бюрократизмом административно-чиновничьего аппарата, неравномерным социально-экономическим развитием различных регионов Российской Федерации.

¹ В данном случае под социальными спорами понимаются дела, связанные с защитой права на социальное обеспечение.

² Обзор судебной статистики о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 19.06.2020).

³ Пенсия — через суд. Почему право на заслуженный отдых превращают в унижение // Аргументы и факты. 2017. 24 июля; У многодетной семьи с пятью детьми отбирают землю на берегу Байкала // Интернет-сайт «Комсомольская правда-Иркутск». URL: <https://www.irk>

kp.ru/daily/26830.4/3870211/ (дата обращения: 19.06.2020).

⁴ Алебастрова И.А. Социальные права: конституционные обещания, пожелания или провидения? // Государство и право. 2010. № 4. С. 37.

Базисом для создания полноценных гарантий в социальной сфере является теоретико-практическая разработка единого образного понятия социальных прав, которое можно положить в основу целостного правового регулирования. Категория «социальные права» граждан имеет сложную природу, длительную историю становления и неоднозначное понимание в доктрине. Среди исследователей существуют различные подходы к определению понятия социальных прав, их соотношения с правами экономическими и культурными⁵.

Социальные права относятся ко второму поколению прав и свобод, они сформировались позже политических и личных прав и свобод — в течение XX в. (хотя в литературе иногда отмечают конец XIX в., связывая этот период с возникновением тредюнианизма — профсоюзного движения за права рабочего класса⁶). Их формирование было обусловлено ростом активности населения в борьбе за создание полноценных и справедливых условий для труда и жизни.

Если обратиться к буквальному толкованию, то в самом широком смысле «социальное» тождественно понятию «общественное». Примерно так и представлял социальное право представитель юридической социологии Г.Д. Гурвич⁷, не имея в виду социальное обеспечение и прочее, с чем социальные права связывают теперь. Правда, в таком понимании социальное право звучит тавтологично, если учесть, что право существует лишь в социальности. Понятие «социальное право», следовательно, становится тождественным самому понятию «право», а значит, слово «социальное» в этой связке становится попросту излишним.

В СССР термин «социальное» стал особенным — появилось понимание о социальной функции государства, социальной функции права и т.д. Выделилось по-

нятие «социальная сфера жизни общества», т.е. группа общественных отношений, которая связана с непосредственной реализацией материальных и духовных ценностей людей — образование, экологическая безопасность, заработная плата, пользование ценностями культуры. В центре социальной сферы общественной жизни, следовательно, находится человек, его положение и место в обществе, условия и образ жизни, его потребности⁸. Социальное — область отношений, в рамках которых обеспечивается реализация основных потребностей человека (жилье, пища, безопасность и пр.).

Полагаем, что одно из наиболее удачных определений социальных прав на сегодняшний день дают В.А. Иваненко и В.С. Иваненко. По их мнению, социальные права человека представляют собой признаваемый обществом и государством и закрепленный в нормативно-правовых актах комплекс прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек с целью обеспечения и защиты своих определенных свойств, интересов и возможностей, необходимых ему для нормального физиологического, материального и духовного существования и развития, для социально достойной жизни и общественно значимой деятельности⁹.

Следует обратить внимание на то, что действующее российское законодательство не содержит ни понятия, ни перечня социальных прав. В то же время в нормативных правовых актах закреплен целый ряд прав, которые можно отнести к социальным. Так, безусловно, признаваемыми социальными правами являются право на социальную защиту, право на защиту семьи и детства, право на охрану здоровья.

Однако споры о составе и содержании социальных прав в литературе не утихают. Так, существует ряд прав, которые невозможно с однозначностью отнести к социальным (право на труд¹⁰, право на об-

⁵ Обзор точек зрения по этому вопросу см.: Ау Т.И. Социальные и экономические права человека и гражданина как основа социальной государственности (с учетом законодательства и практики Казахстана) // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 26–31.

⁶ Солдатова А.В. Социальные права: генезис и понятие // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 116.

⁷ Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология: избранные сочинения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

⁸ Козлов А.Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. М., 1990. С. 8.

⁹ Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 124.

¹⁰ Калманова А.С. Социальные права личности // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 17–19; Горовой Р.А. О некоторых проблемах обеспечения социальных прав граждан в Российской Феде-

разование¹¹, право на благоприятную экологическую среду¹² и др.). Представляется, что практическое значение жесткого разграничения основных конституционных и международных прав человека на те или иные группы не столь велико.

Конкретный перечень социальных прав, помимо прочего, является весьма подвижной конструкцией и формируется исходя из особенностей общественного, природного, культурного развития государств. Так, если в Конституции Эквадора закреплено право на доступ к источникам воды и здорового питания, а в Конституции Демократической Республики Конго — право на доступ к электрической энергии¹³, то в Конституции РФ особое внимание уделено праву на жилище. В этой связи можно утверждать, что то или иное право является и остается социальным постольку, поскольку в его реализации сохраняется объективная массовая потребность граждан государства. Индикатором наличия социальных прав является сама жизнь — так, в США и вовсе доминирует подход, не признающий существования социальных прав¹⁴.

Объективное существование группы социальных прав привело некоторых исследователей к выводу о существовании такой обособленной конструкции в системе права, как «социальное право». Следует констатировать при этом, что концепция социального права до сегодняшнего дня не получила широкой поддержки среди ученых-юристов в основном из-за того, что социальные права получают свое развитие в отдельных отраслях — жилищном, семейном, трудовом праве, праве социального обеспечения и т.д.

рации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция. 2012. № 2. С. 257–262.

¹¹ Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М. : Юркомпани, 2010. С. 76 ; Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 8.

¹² Алебастрова И.А. Указ. соч. С. 31 ; Андриченко Л.В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 5–17.

¹³ Александрова А.В. Социальные права в конституциях XXI века // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 50.

¹⁴ Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность. М., 2007. С. 92–93.

Невозможность определения общепринятого (согласованного) и стабильного перечня социальных прав также приводит приверженцев концепции социального права как самостоятельного элемента системы права (отрасли, надотрасли, комплексной отрасли) к хождению по замкнутому кругу. Отсутствие единства мнений относительно предмета, метода, содержания, места данной отрасли в системе российского права приводит в последнее десятилетие лишь к научной дискуссии, не повлекшей сколь-нибудь значимые теоретические или практические преобразования.

Как совершенно верно отмечает Ю.А. Тихомиров, конкретизация конституционных социальных прав находит свое воплощение в интегрированном социальном законодательстве, а также постепенное развитие в правоприменительной практике государственных и муниципальных органов и учреждений, организаций, например, в регулировании минимальных уровней заработной платы, пенсий, пособий и стипендий, минимальных гарантиях медицинской и социальной помощи. При этом динамика государственно-правового развития приводит ко все большему накоплению нормативных правовых актов в разных секторах социальной сферы¹⁵.

Конституционный вызов о социальной направленности государственной политики в целом принимается отраслевым законодательством — в определенной своей части трудовым, семейным, жилищным, «попечительским» (в рамках гражданского, семейного и административного права), наследственным, законодательством об образовании, здравоохранении, культуре, спорте и др. и всеобъемлюще — о социальном обеспечении¹⁶.

На общесоциальные, «социализаторские» функции ряда отраслей права и отраслей законодательства указывают также Ю.К. Толстой, Р.З. Лившиц и другие

¹⁵ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование социальной сферы // Социальное законодательство : научно-практическое пособие / Е.Г. Азарова и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Н. Зенков. М., 2005. С. 1–22.

¹⁶ Тарусина Н.Н. Социальная направленность цивилистики и смежных областей юриспруденции: предпосылки, гипотезы и некоторые констатации // Социально-юридическая тетрадь. 2011. № 1. С. 22–35.

ученые¹⁷. Так, последний автор, группируя отраслевые законодательства по блокам с учетом нацеленности правового регулирования, объединил в союз «социального развития» трудовое, социально-обеспечительное, семейное, жилищное, образовательное, медицинское и др. подобное законодательство¹⁸.

По мнению Ю.Б. Корсаненковой, в настоящее время происходит развитие социального законодательства, которое представляет собой обширный комплекс социально-правовых норм и включает в себя помимо законодательства традиционных отраслей права (право социального обеспечения, трудовое право, семейное право) законодательство в области науки и образования, культуры и спорта, миграционных отношений, здравоохранения, жилищного обеспечения и др.¹⁹

На наш взгляд, выделение социального права в качестве самостоятельного элемента правовой системы вполне возможно в будущем, теоретические и практические исследования данного вопроса следует лишь приветствовать, однако на сегодняшний день объективные предпосылки формирования исследуемого элемента сложились не до конца.

Своеобразие социальных прав, реализация которых в целом зависит от уровня их государственного обеспечения, приводит к необходимости их всемерной поддержки и защиты со стороны самого государства. Существенными преимуществами здесь обладает судебная форма защиты, гарантирующая независимость суда при разрешении конфликта гражданина и государства в социальной сфере. Согласимся с мнением У. Бекера, что для эффективной работы системы социального обеспечения и реализации социальных прав намного важнее

наличие хорошо функционирующих органов социального обеспечения и судов по разрешению социальных споров, чем кодификация социального права²⁰. При этом в российском гражданском процессе особенности рассмотрения социальных споров (впрочем, традиционно для гражданского процессуального законодательства в отношении и иных категорий дел) не находят сколько-нибудь целостного отражения.

Отсутствие целостного материального и процессуального регулирования рассмотрения социальных споров приводит к отказам в удовлетворении исков о защите социальных прав граждан, противоречивой судебной практике по схожим категориям дел, неоднократным пересмотрам судебных решений, а также к, по сути, экономико-финансовому, а не юридическому обоснованию решений судов. Так, судебная практика свидетельствует о том, что почти в каждом районном суде можно найти обращение инвалидов по вопросам, связанным с реализацией их права на санаторно-курортное лечение²¹, однако существенной проблемой является то, что суды первой и апелляционной инстанций удовлетворяют требования граждан, однако на уровне кассационной инстанции соответствующий акт отменяется. На наш взгляд, такие отмены невозможно оправдать ничем иным, кроме конъюнктурности (при условии неизменности материально-правового регулирования)²². Другим примером проблемного вопроса, касающегося реализации социальных прав, явились компенсационные выплаты приемным родителям по уходу за ребенком-инвалидом. Краеугольным камнем стала выплата вознаграждения приемному родителю и вопрос о признании ее в качестве выплаты за работу либо в качестве меры социальной поддержки. Причем в данной ситуации правовая позиция без видимых на то при-

¹⁷ Толстой Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоотношения. 1998. № 2. С. 136–148; Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 25–26, 30, 340, 345; Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 1994. С. 115–120.

¹⁸ Лившиц Р.З. Указ. соч. С. 121–123.

¹⁹ Корсаненкова Ю.Б. Социальное право и право социального обеспечения: соотношение понятий и их взаимовлияние // От социальных прав к социальному праву (VII Пашковские чтения): материалы Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 24–26 февраля 2016 г.): сб. науч. ст. / под ред. А.В. Кузьменко. Красноярск: Центр социальных и правовых технологий, 2017. С. 102.

²⁰ Федорова М.Ю., Бекер У. Социальное право в Германии и Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 136–150.

²¹ Гусев А.Ю. К вопросу о праве инвалидов на санаторно-курортное лечение // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 49–52.

²² См., напр.: Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 14 марта 2016 г. № 44г-16/2016; Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 13 апреля 2016 г. № 44Г-51/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

чин менялась на уровне одного и того же Верховного Суда РФ²³. Отдельной проблемой является выбор вида судопроизводства (гражданского или административного) в рамках защиты социальных прав.

Представляется, что преодоление этих и иных правоприменительных проблем, достижение цели эффективности судебной защиты, формирование единообразной практики возможно через нормативное определение понятия социального спора и, главное, закрепление процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения такого рода дел.

Доктрина гражданского процессуального права знает различную материально-правовую классификацию исков и споров (трудовые, семейные, наследственные, жилищные, пенсионные, алиментные и т.д.), исходящую из дифференциации по правовым институтам и отраслям права²⁴. При этом в связи с отсутствием общепризнанной отрасли социального права такая категория, как «социальные споры в науке», как правило, обоснованно не выделяется²⁵. Однако в целом указанное деление,

основываясь строго на материально-правовом характере соответствующих спорных правоотношений, не позволяет, на наш взгляд, комплексно и в полной мере отразить специфику процессуальных элементов защиты соответствующих прав.

Попытка выделения так называемых социальных категорий дел через определенные сферы имеется в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, согласно которой с 2009 г. прокурор в любом случае вправе обратиться в суд в следующих целях: защиты социальных прав, свобод и законных интересов граждан в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования.

Любопытно, что такая формулировка при разработке соответствующего законопроекта подвергалась критике. Так, правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ обращало внимание на то, что применение в законопроекте обобщенного термина «социальные права» по отношению к праву на труд, пенсионное обеспечение, охрану здоровья, материнства и детства, медицинскую помощь, образование, благоприятную окружающую среду, на жилище нуждается в дополнительном обсуждении, поскольку в настоящее время в законодательстве существует более широкий подход к определению сферы социальных прав²⁶.

Окончание см. в следующем номере.

²³ Определение Верховного Суда РФ от 28 февраля 2014 г. № 94-КГ13-1 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 февраля 2015 г. № 50-КГ14-10 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См., напр.: Иск в гражданском судопроизводстве : сб. / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева ; под ред. О.В. Исаенковой. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 96 ; Гражданский процесс России : учебник / под ред. М.А. Виткут. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 225.

²⁵ В некоторых случаях авторы называют таким образом споры, вытекающие из правоотношений по социальной защите. См., напр.: Мальшкин А.В. Некоторые аспекты рассмотрения пенсионных и социальных споров: интегрирование правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации судами областного уровня // Социальное и пенсионное право. 2017. № 4. С. 20–25.

²⁶ Заключение Правового управления Аппарата ГД ФС РФ от 29 января 2009 г. № 2.2-1/363 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Алебастрова И.А. Социальные права: конституционные обещания, пожелания или провидения? / И.А. Алебастрова // Государство и право. 2010. № 4. С. 30–38.
2. Александрова А.В. Социальные права в конституциях XXI века / А.В. Александрова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 47–53.
3. Андриченко Л.В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации / Л.В. Андриченко // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 5–17.
4. Ау Т.И. Социальные и экономические права человека и гражданина как основа социальной государственности (с учетом законодательства и практики Казахстана) / Т.И. Ау // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 26–31.

5. Горовой Р.А. О некоторых проблемах обеспечения социальных прав граждан в Российской Федерации / Р.А. Горовой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 257–262.
6. Гражданский процесс России : учебник для студентов вузов / под редакцией М.А. Вилкут. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2005. 479 с.
7. Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права : избранные сочинения / перевод с французского М.В. Антонова ; перевод с английского М.В. Ворониной. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. 874 с.
8. Гусев А.Ю. К вопросу о праве инвалидов на санаторно-курортное лечение / А.Ю. Гусев // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 49–52.
9. Иваненко В.А. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты / В.А. Иваненко, В.С. Иваненко. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 402 с.
10. Иск в гражданском судопроизводстве : сборник / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева ; под редакцией О.В. Исаенковой. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 202 с.
11. Калманова А.С. Социальные права личности / А.С. Калманова // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 17–19.
12. Козлов А.Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы / А.Е. Козлов. Москва : Наука, 1990. 158 с.
13. Корсаненкова Ю.Б. Социальное право и право социального обеспечения: соотношение понятий и их взаимовлияние / Ю.Б. Корсаненкова // От социальных прав к социальному праву (VII Пашковские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 24–26 февраля 2016 г.) : сборник научных статей / под редакцией А.В. Кузьменко. Красноярск : Центр социальных и правовых технологий, 2017. С. 101–107.
14. Лившиц Р.З. Теория права : учебник для студентов юридических вузов / Р.З. Лившиц. Москва : Бек, 1994. 208 с.
15. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) / Н.А. Михалева. Москва : Юркомпани, 2010. 366 с.
16. Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.В. Путило. Москва, 1999. 21 с.
17. Путило Н.В. Социальные права граждан: история и современность : монография / Н.В. Путило. Москва : Юриспруденция, 2007. 320 с.
18. Солдатова А.В. Социальные права: генезис и понятие / А.В. Солдатова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 115–118.
19. Тарусина Н.Н. Социальная направленность цивилистики и смежных областей юриспруденции: предпосылки, гипотезы и некоторые констатации / Н.Н. Тарусина // Социально-юридическая тетрадь. 2011. № 1. С. 22–35.
20. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование социальной сферы / Ю.А. Тихомиров // Социальное законодательство : здравоохранение, образование, культура, наука, физкультура, спорт, пенсии, жилище : научно-практическое пособие / Е.Г. Азарова [и др.] ; ответственные редакторы Ю.А. Тихомиров, В.Н. Зенков. Москва : ИНФРА-М: Контракт, 2005. С. 1–22.
21. Толстой Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство / Ю.К. Толстой // Правоотношения. 1998. № 2. С. 136–148.
22. Федорова М.Ю. Социальное право в Германии и Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / М.Ю. Федорова, У. Бекер // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 136–150.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Комарицкий**Сергей Иванович,**

заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук
komfree@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-9-13

Стадии, функции и задачи арбитражных судов

В статье рассматривается вопрос о задачах арбитражных судов и адекватности соответствующих формулировок закона. Обращается внимание на то обстоятельство, что определения задач, данных в АПК РФ, с одной стороны, в основном не являются формулировками действительных задач арбитражных судов, а с другой — не отражают те задачи, которые фактически поставлены законодателем и которые уместно было бы сформулировать непосредственно во вводных статьях закона.

Ключевые слова: задача, арбитражный суд, функция, стадия, правосудие.

Постановка проблемы

В тех случаях, когда речь в обсуждении заходит об абстрактных или почти абстрактных категориях или о категориях, которые вряд ли можно отнести к категориям практического характера, непременно возникает легкое раздражение от навязчивой мысли: а кому все это нужно? Есть в таких отвлеченных рассуждениях практический смысл?

Признаюсь, что представленная в данной работе тема относится именно к таким.

Казалось бы, какое, собственно говоря, имеют практическое значение формулировки задач арбитражных судов, данные в первых статьях Арбитражного процессуального кодекса, кто на них вообще обращает внимание? Есть такая традиция — во вступительных статьях большого и значимого правового документа задавать некий камертон, дескать, речь пойдет о серьезном правовом регулировании, которое невозможно, если не сформулировать ему возвышенные задачи.

Не будем также забывать, что судебная власть — это одна из трех ветвей власти, установленной Конституцией России, самостоятельная ветвь, которой пристало иметь серьезные задачи.

Я подвожу к элементарной мысли о том, что вводные формулировки закона могут тяготеть к излишней напыщенности, в то время как процессуальный кодекс, казалось бы, должен иметь исключительно прагматичный характер.

Сказанное в полной мере относится к определению задач Арбитражного процессуального кодекса, представленных в ст. 2 АПК РФ.

Тема логически выверенной структуры арбитражного процесса, понимаемой как установленная законом последовательность действий суда и лиц, участвующих в деле, при рассмотрении конкретного спора, в каком-то смысле давно уже перекочевала с полей юридических ристалищ в практическое русло.

Вместе с тем в научной литературе время от времени предпринимаются попытки исследовать логику стадийности арбитражного процесса. И хотя соответствующие публикации, казалось бы, не имеют высокой степени актуальности, однако приходится констатировать, что единства мнений в данном отношении все же не найдено, несмотря на имеющиеся серьезные работы, где подвергаются сомнению и переосмыслению соответствующие положения, давно уже уютно устроившиеся в учебниках.

Впрочем, как раз учебники классифицируют стадии арбитражного процесса по упрощенной модели, что, на мой взгляд, мало соответствует реальному правовому регулированию.

Несмотря на известную абстракцию в понимании стадийности арбитражного процесса, все же есть смысл обсуждать и анализировать текущее состояние структуры процессуальных законов, поскольку логически выверенная и практически обоснованная классификация является как средством познания нынешнего состояния их содержания, так и руководством к действиям по его совершенствованию.

К необходимости анализа стадий арбитражного процесса подталкивает также и различное их перечисление в разных

учебниках. Так, в учебнике по арбитражному процессу, изданному под редакцией В.В. Яркова¹, указывается, что стадий процесса шесть, но в учебнике по гражданскому процессу, изданному под его же редакцией, стадий уже восемь².

В то же время учебник гражданского процесса под редакцией М.К. Треушниковой называет семь стадий процесса³.

Можно было бы сказать, что такое различие в количестве стадий определяется различием специфики разных процессов, но нет. Ни в том, ни в другом учебнике не приводится обоснование выделения количества стадий. Налицествует простая констатация факта.

Вместе с тем в доктрине имеется определенное количество исследований, в которых данная проблема нашла свое аргументированное обсуждение.

Из современных работ в этом отношении, безусловно, следует отметить монографию Г.А. Жилина, представляющую собой серьезный и обстоятельный анализ ряда общих проблем судебного процесса, где нашлось и место анализу стадийности⁴.

В числе прочих соображений автором представлен анализ задач, поставленных законодателем перед арбитражными судами, и сделан любопытный вывод о том, что из перечисленных в АПК РФ задач арбитражных судов собственно задачей является только одна, а именно задача правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел в целях защиты прав, свобод и законных интересов субъектов судопроизводства. Все остальные задачи, сформулированные в ст. 2 АПК РФ, такие как обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, формирование уважительного отношения

к закону и суду, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота, по мнению автора, задачами судов не являются.

Представляется, что с таким мнением следует согласиться.

Как же тогда понимать указанные в кодексе задачи, которые, по мнению Г.А. Жилина, вовсе не являются таковыми?

Попробуем представить соответствующий анализ.

Обеспечение доступности правосудия. Традиционно такая доступность суда для лиц, которые вынуждены прибегать к помощи суда в целях разрешения спорного правоотношения, рассматривается с точки зрения: а) территориальной доступности, что определяется наличием арбитражного суда в каждом субъекте РФ; б) развития системы электронного документооборота, позволяющего до минимума сократить как время обращения к суду (с исковым заявлением, с отзывом на иск, с представлением доказательств, объяснениями и т.п.), так и совершения отдельных процессуальных действий (например, допрос свидетеля с помощью видео-конференц-связи); в) введения порядка рассмотрения дел без проведения устных слушаний (упрощенное производство); г) установления относительно невысоких размеров государственной пошлины, уплата которой необходима для обращения в суд, и т.д.

Подробный обзор и анализ соответствующих доктринальных положений приведен в известной работе И.А. Приходько⁵.

Отмечу лишь, что в научной литературе авторы, говоря о проблеме доступности правосудия, нет-нет да и сбиваются, называя обеспечение доступности правосудия не задачей суда, а принципом построения судебной системы, что, на мой взгляд, более правильно.

Понятно, что суды сами по себе в состоянии решать такую задачу, поскольку именно государство обеспечивает территориальное размещение арбитражных судов, а также совершенствование процессуального законодательства в качестве результата законотворческой деятельности, отнесенного Конституцией РФ к компетенции федерального законодателя, установление конкрет-

¹ Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др. ; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 752 с.

² Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др. ; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 702 с.

³ Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушниковой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014.

⁴ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография. М. : Проспект, 2010. 576 с.

⁵ Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб. : Изд-во юридического факультета С.-Петербургского государственного ун-та, 2005. 672 с.

ных размеров государственной пошлины и т.п.

Укрепление законности и предупреждение правонарушений. Эту задачу арбитражные суды решают ежедневно, но при том не-пременном условии, что выносимые судами решения следуют букве и духу закона. А решают они ее тогда и только тогда, когда реализуют свою основную задачу по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дел в целях защиты прав, свобод и законных интересов субъектов судопроизводства.

Формирование уважительного отношения к закону и суду. Отношение к закону здесь мы просто выносим за скобки, поскольку люди есть люди, и никакого влияния на их внутреннее убеждение об уважении закона действия суда при рассмотрении конкретного дела суды не оказывают. Если закон небыл и несправедлив, то следование судом такому закону никакого уважительного эффекта произвести не может, породив только как минимум раздражение.

Уважительное отношение к суду, пожалуй, да, сформировать можно.

Если участник процесса входит в зал судебного заседания, который производит впечатление своей формой, убранством, оснащением соответствующей техникой, это в каком-то смысле, если приводить аналогию, соответствует вступлению в храм юстиции. Такое впечатление и такое влияние оказывают соответствующие атрибуты: возвышение для судейского состава, дубовые панели и общая организация зала заседания, уместным было бы также и представление портретов судей, которые трудились в данном зале, да не просто портретов, а портретов, написанных художником маслом специально для такого случая. Ясно, что это опять-таки должна быть реализация заботы именно государства о поднятии престижа столь важной для общества профессии судьи.

Содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений.

Формирование обычаев и этики делового оборота.

Думается, что упомянутые задачи, относящиеся к практике делового оборота, смело можно отнести к задачам опять-таки самого государства, которому по смыслу указанных задач они и адресованы. И уж во всяком случае, они не могут относиться к воздействию на соответственные общественные отношения со стороны судов.

В свое время советский ученый Ю.К. Осипов предлагал разделить систему граждан-

ского процесса на правоприменительные циклы сообразно числу судебных инстанций, а в каждом цикле выделить по три стадии: возбуждение дела, его подготовка и разбирательство по существу с вынесением правоприменительного акта⁶.

Сегодня термины «стадия» и «правоприменительный цикл» поменялись местами, однако суть от этого не изменилась: имеется шесть стадий арбитражного процесса, каждая из которых содержит один и тот же правоприменительный цикл, содержание которого сводится в нормам, регулирующим возбуждение соответствующего производства, подготовку к производству в каждой стадии и рассмотрение дела по существу с вынесением решения.

Разумеется, как справедливо подчеркивается в доктрине, на стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции такой процессуальный цикл наиболее затретен по времени и действиям участников процесса, однако он имеет место и на стадии апелляционного обжалования судебного акта, и на последующих стадиях — кассации, второй кассации, надзора и пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, мы констатируем, что в большинстве стадий арбитражного процесса наличествуют повторяющиеся, но по своему процессуальному содержанию одни и те же правовые институты.

Разумеется, от стадии к стадии содержание этих циклов разнится, что обуславливается назначением соответствующей стадии процесса: идет ли речь о первичном рассмотрении дела по существу или же о последующей проверке вынесенного судебного акта в соответствующей стадии процесса и присущим только такой стадии предметом ведения.

В качестве очевидного примера можно сослаться на нормы о безусловных основаниях отмены судебного акта: они идентичны друг другу как в апелляции, так и в кассациях и надзоре.

Процессуальные институты, которые не укладываются в приведенную структуру

Схема стадийности арбитражного процесса, изложенная выше, как нетрудно за-

⁶ Осипов Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1976. С. 42–44.

метить, не охватывает всего многообразия процессуальных институтов, предусмотренных законом.

Возникает вполне естественный вопрос о том, не является ли такая схема искусственной и не соответствующей фактической структуре арбитражного процесса?

В частности, в доктрине давным-давно дискутируется вопрос о том, является ли участие арбитражного суда в исполнительном производстве стадией арбитражного процесса. Немало копий сломано в данной дискуссии, но удовлетворительного ответа до сих пор нет.

Представляется, что причина этому такова: в законе не сформулированы иные задачи арбитражного процесса, которые фактически реализуются, но прямо не обозначены.

Непоименованная задача арбитражного производства: оказание функции содействия и контроля в отношении участников хозяйственного оборота

Указанная задача в настоящее время прямо предусмотрена законом лишь применительно к третейскому разбирательству, разбирательству в иностранных судах и международных коммерческих арбитражах, однако, как представляется, она фактически имеет более широкое применение в практике арбитражных судов в качестве полноценной и самостоятельной задачи.

Попробую представить соответствующий анализ.

Начну, пожалуй, с участия арбитражного суда *в исполнительном производстве*.

В этом производстве, как известно, арбитражный суд реализует следующие полномочия: по выдаче дубликата исполнительного листа, восстановлению срока для предъявления исполнительного листа к исполнению, принимает решение о восстановлении пропущенного срока для предъявления исполнительного листа к исполнению, применяет отсрочку или рассрочку исполнения судебного акта, изменяет способ и порядок его исполнения, принимает решение о повороте исполнения судебного акта, а также о приостановлении, возобновлении и прекращении исполнительного производства, отложении исполнительных действий.

Таким образом, арбитражный суд оказывает содействие взыскателю, должнику, судебному приставу-исполнителю в реализации определенных действий, которые без участия арбитражного суда осу-

ществить невозможно, и в то же время контролирует их процессуальное поведение, не допуская соответствующих злоупотреблений.

Совершенно понятно, что участие арбитражного суда в исполнительном производстве никак не укладывается в самостоятельную стадию процесса, хотя бы по той простой причине, что процесс завершен, однако вполне логично вписывается в решение иной задачи суда — задачи оказания содействия и контроля в отношении участников экономического оборота.

Установление фактов, имеющих юридическое значение. Данный формат, как и участие арбитражного суда в исполнительном производстве, не вписывается в решение традиционной задачи судов о защите нарушенных или оспариваемых прав, однако вполне логично укладывается в рассматриваемую задачу, поскольку в таком производстве суд фактически помогает заявителю в установлении определенного юридического факта и достаточно часто в восстановлении определенных документов. В то же время, как показывает судебная практика, суд, реализуя такую функцию, отсеивает недобросовестных участников хозяйственного оборота, которые пытаются использовать эту упрощенную процедуру, маскируя под нее фактическую попытку предпринять разбирательство экономического спора. То есть осуществляет еще и функцию контроля за правильностью применения процедуры.

Приказное производство. В данном случае суд действует, не касаясь установления и разрешения спорных правоотношений, поскольку принимает решение на основании заявления заинтересованного лица при условии бесспорности соответствующего требования. В то же время заявленный отказ ответчика в исполнении требований приказа автоматически прекращает действие последнего, и, соответственно, заявителю необходимо для защиты своих нарушенных прав обращаться в суд в общем порядке. Представляется, что в данном случае можно видеть реализацию обеих задач арбитражного процесса: и задачи защиты нарушенных прав, и задачи оказания содействия участнику экономических отношений и осуществления соответствующего контроля с тем, чтобы недобросовестный либо недостаточно квалифицированный участник делового оборота не воспользовался данной упрощенной процедурой производства.

Производство по реализации функции содействия и контроля в отношении третейских судов, а также в отношении признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных коммерческих арбитражей.

В отношении данного вида судопроизводства не требуется какого-то особенного обоснования того, что в нем реализуется данная непоименованная задача арбитражных судов, это непосредственно вытекает из формулировки соответствующих полномочий арбитражного суда.

Итог приведенных рассуждений

Назрело внесение изменений в АПК РФ в части формулировок задач, поставленных законодателем перед арбитражными судами. Как представляется, следовало бы исключить из соответствующего перечня те формулировки упомянутых задач, которые по факту таковыми не являются. Одновременно в перечень указанных задач необходимо внести такую задачу, как оказание арбитражными судами функции по содействию и контролю в отношении участников экономического оборота.

Литература

1. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 752 с.
2. Гражданский процесс : учебник / под редакцией М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 959 с.
3. Гражданский процесс : учебник для студентов вузов / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 702 с.
4. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
5. Осипов Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права / Ю.К. Осипов // Проблемы применения норм гражданского процессуального права / ответственный редактор К.И. Комиссаров [и др.]. Свердловск : [б. и.], 1976. С. 42–44.
6. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. Санкт-Петербург : Изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 672 с.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Хисамов Азат Хамзович,
судья Верховного суда Республики
Татарстан,
кандидат юридических наук
vs.tat@sudrf.ru

Шакирьянов Рафаиль Валиевич,
доцент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального
университета,
заслуженный юрист Российской Федерации,
судья Верховного суда Республики
Татарстан в почетной отставке,
кандидат юридических наук
rakat51@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-14-20

Информатизация правоприменительной деятельности как фактор совершенствования механизмов упрощенного судопроизводства в гражданском процессе*

В статье исследуются некоторые тенденции совершенствования гражданского процессуального законодательства в контексте цифровизации правоприменительной деятельности в части совершенствования упрощенных видов судопроизводства и их влияния на реализацию права на судебную защиту. Сделан вывод о непосредственном влиянии элементов механизма электронного правосудия на ускорение процесса восстановления нарушенных и оспариваемых прав по итогам разрешения гражданско-правовых споров, что позволяет отнести некоторые направления информатизации деятельности суда к самостоятельному компоненту механизма судебной защиты, реализуемого в упрощенных видах судопроизводства. Выделение критерия информатизации деятельности суда как одного из критериев оценки динамики улучшения уровня судебной защиты позволяет спрогнозировать возможности реализации права на судебную защиту и доступа к правосудию в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: право на судебную защиту, упрощенные виды судопроизводства, электронное правосудие и его элементы, механизм судебной защиты и его элементы в упрощенных видах судопроизводства.

Развитие процесса информатизации судебной системы в текущем периоде выступает одним из главных направлений реформы судебной деятельности. При этом происходящая информатизация правоприменительной деятельности судов общей юрисдикции имеет целью повышение эффективности информационного обеспечения судей, а также организацию доступа к информации о деятельности судов, что, в свою очередь, способствует транспарентности правосудия¹.

В Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. № 1 «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» было отмечено, что в условиях роста числа обращений граждан за судебной защитой, свидетельствующих о повышении доверия граждан к судебной власти, уверенности в способности органов

правосудия профессионально и эффективно защитить их права и законные интересы, возрастающее значение приобретает проблема оптимизации судебной нагрузки, решение задачи обеспечения права граждан на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумные сроки².

Цель решения указанных задач, как показала последующая правотворческая и правоприменительная практика, связанная с обеспечением общей процессуальной экономии в условиях сохранения эффективности правосудия, была обусловлена внедрением и расширением сферы применения упрощенных видов гражданского судопроизводства.

В научной литературе после обозначенных VIII Всероссийским съездом судей тенденций совершенствования деятельности судов в сфере гражданского судопро-

¹ Карпунина Н. Актуальные вопросы развития информационно-технического обеспечения отправления правосудия. URL: <https://www.garant.ru/interview/1166742/>

² Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. № 1 «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития». URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/9085>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк.

изводства неоднократно были отмечены как преимущества и перспективы такой трансформации, связанные как с исключением из общих правил рассмотрения дел в порядке искового производства некоторых элементов³, так и авторитетные мнения о недостатках упрощенного производства, использование которых приводит к ограничению сферы действия основных принципов⁴.

Не ставя цели рассмотрения в рамках настоящей публикации вопросов исторических предпосылок и внутренних механизмов функционирования упрощенных видов судопроизводства в гражданском процессе, лишь отметим, что на современном этапе наряду с общим позитивным без тенденциозности отношением к оптимизации гражданского судопроизводства путем совершенствования упрощенных его видов отмечается ряд общих вопросов, требующих дальнейшей проработки и нормативной регламентации. Среди них отсутствие единой, оформленной концепции упрощенных форм судопроизводства, различие в основаниях отдельных видов упрощенного производства и др.⁵

Вместе с тем бесспорным остается тот факт, что введение упрощенных производств законодателем было обусловлено необходимостью ускорения рассмотрения

гражданских дел в судах, повышением эффективности своевременной защиты охраняемых законом прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, поэтапным введением в гражданское судопроизводство элементов электронного правосудия.

Представляется, что при этом законодателем были приняты во внимание и необходимость принятия мер по определенной разгрузке судов от той чрезмерной нагрузки, которая в последние годы растет в геометрической прогрессии. Так, если судами общей юрисдикции Российской Федерации в 2010 г. было рассмотрено 10 млн гражданских дел, то это число за 2019 г. составляет уже 19,6 млн при том же количестве работающих судей.

При этом следует учесть и то, что правовые нормы об упрощенных видах гражданского судопроизводства содержат в себе резервы для более широкого его применения, повышения его эффективности.

В связи с чем, развивая подходы к совершенствованию упрощенных видов судопроизводства в гражданском процессе, считаем необходимым обратиться к анализу не столько направлений оптимизации процесса путем расширения оснований использования тех или иных видов упрощенного судопроизводства, сколько к качественной трансформации существующих видов упрощенного судопроизводства за счет интенсификации использования при их применении элементов электронного правосудия. Это позволит, по нашему мнению, в текущем периоде обеспечить эффективность правоприменительной деятельности судов при использовании упрощенных видов судопроизводства за счет нивелирования существующих проблем в их повсеместном использовании посредством преимуществ доступных информационных технологий.

Представляется возможным рассматривать упрощенные производства как разновидности процессуальной формы правоприменительной деятельности, которые характеризуются не столько частичным сокращением общих правил судебного разбирательства по делу, сколько ускорением процесса реализации права на судебную защиту при сохранении принципов судопроизводства и гарантий реализации прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

³ Смагина Е.С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 57–63; Бахарева О.А. Введение упрощенного производства в гражданском судопроизводстве — оптимизация рассмотрения и разрешения гражданских дел // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 61. С. 22–27; Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 135–157; Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.

⁴ Шерстюк В.М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права // Законодательство. 2019. № 2. С. 56–64; Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении гражданского процесса: оценки и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 17–21.

⁵ Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. Унификация упрощенных форм судопроизводства в гражданском процессе // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4 (37). С. 246–250.

В этой связи следует выделить следующие процессуальные формы не в полной мере нормативно обособленных видов упрощенного судопроизводства, формирующих общую систему упрощенных видов судопроизводства в сфере гражданского процесса.

Структурно данная система может быть представлена общей и специальной частью.

В общей части можно выделить три подвида: а) исковые виды судопроизводства по тем категориям дел, рассматриваемым федеральными судами, в отношении которых установлены сокращенные сроки их рассмотрения (ч. 2 ст. 154 ГПК РФ: дела о восстановлении на работе, взыскании алиментов и сносе самовольных построек (приведении их в соответствие и т.д.)); б) рассматриваемые в порядке искового производства дела, отнесенные законом к компетенции мировых судей, сроки рассмотрения которых в силу ч. 1 ст. 154 ГПК РФ также являются сокращенными по отношению к общему двухмесячному сроку рассмотрения дела, предусмотренного гражданским процессуальным законодательством, и по которым в силу ч. 3 ст. 199 ГПК РФ могут не составляться мотивированные решения; в) заочное производство.

К специальной части можно отнести два предусмотренных законом подвида, формирующих традиционную систему упрощенных производств в гражданском процессе: а) приказное производство; б) упрощенное производство.

В целях выяснения направлений интеграции информационных технологий в качестве компонента правоприменительной деятельности судов в рамках системы упрощенных видов гражданского судопроизводства, отметим, что Концепция развития информатизации судов общей юрисдикции на 2013–2020 годы, утвержденная Постановлением Президиума Совета судей РФ от 28 февраля 2013 г. № 328⁶ и скорректированная Постановлением Президиума Совета судей РФ от 18 июля 2019 г. № 759, в качестве ведущих направлений развития предусматривает системную реализацию следующих основных инфор-

мационных сервисов электронного правосудия: а) подача документов в суд в электронном виде с автоматической проверкой аутентификации (подлинности) участников судебного процесса; б) электронная регистрация производства по делу и формирование состава суда в электронном виде; в) уведомление участников судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в электронном виде; г) видео-, аудиофиксация хода судебного заседания; е) рассмотрение дел с использованием видео-конференц-связи; ж) создание электронных хранилищ судебных документов и возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде; з) обеспечение интернет-трансляций открытых судебных заседаний; и) развитие межведомственного электронного взаимодействия; к) выдача судебных актов в виде электронного документа и размещение их текстов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Перенесем выделенные направления развития информационных сервисов в плоскость упрощенных видов гражданского судопроизводства в целях ответа на основные вопросы, поставленные в рамках данной работы:

— возможно ли включить элементы системы электронного правосудия в качестве неотъемлемых компонентов механизма реализации права на судебную защиту, реализуемого в упрощенных видах гражданского судопроизводства как фактора их совершенствования;

— насколько включение элементов электронного правосудия в качестве неотъемлемых компонентов механизма реализации права на судебную защиту, реализуемого в упрощенных видах гражданского судопроизводства как фактора их совершенствования, позволяет спрогнозировать возможности реализации права на судебную защиту и доступа к правосудию в условиях цифровой экономики?

В соответствии с ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ (в редакции Федерального закона № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившего в силу с 01.01.2017) процессуальные документы

⁶ Постановление Президиума Совета судей РФ от 28 февраля 2013 г. № 328 «О проекте концепции развития информатизации судов общей юрисдикции на 2013–2020 годы». URL: <http://www.ssf.ru/dokumenty/postanovleniia/priezidiuma-ss/10006>

могут быть поданы в суд в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

Во исполнение указанных нормативных положений Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 утвержден Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, а Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2019 г. № 168 утвержден аналогичный Порядок подачи указанных документов мировым судьям.

Можно констатировать, что в настоящее время нормативно обеспечен системно-единообразный подход к вопросам обеспечения доступа к правосудию по делам, рассматриваемым мировыми судьями, так и судьями федеральных судов общей юрисдикции как в порядке общеискового, так и в упрощенных видах судопроизводства. Вместе с тем существующие в настоящее время технологические проблемы реализации данного принципа в связи с использованием мировыми судьями ПИ Амирс и Крок, не интегрированных в своем функционировании с подсистемами ГАС «Правосудие», реализующими возможность на подачи документов в электронном виде через официальный сайт суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, выступают, безусловно, актуальным направлением совершенствования данного компонента.

В то же время отметим, что практика электронного документооборота при обращении в федеральные суды с 1 января 2017 г. подтверждает динамику таких обращений, которая по отношению к дате начала подачи документов в электронном виде в 2018 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, выразилась в увеличении таких обращений в 1,9 раза, а по итогам 2019 г. — почти в 3 раза.

В связи с чем можно сделать вывод, что данный компонент информатизации правоприменительной деятельности судов носит универсальный характер и имеет значение не только в рамках системы упрощенных видов судопроизводства.

Далее отметим, что такие обозначенные выше компоненты, как электронная регистрация дела, видео-, аудиофиксация хода судебного заседания, рассмотрение

дела с использованием видео-конференц-связи, обеспечение интернет-трансляций открытых судебных заседаний и развитие межведомственного электронного взаимодействия, также носят универсальный характер ввиду того, что их использование не является специфическим элементом упрощенного судопроизводства, в связи с чем они не могут быть признаны прямым фактором, влияющим на ускорение процесса рассмотрения дела именно с их использованием.

Таким образом, в текущем периоде наибольший интерес в контексте совершенствования упрощенных видов гражданского судопроизводства представляют такие информационные сервисы электронного правосудия, как уведомление участников судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в электронном виде с возможностью дистанционного отслеживания этапов рассмотрения дела, создание электронных хранилищ судебных документов и возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде, а также выдача судебных актов в виде электронного документа с обеспечением их размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Необходимо указать, что правила определения надлежащего извещения лица о времени и месте судебного заседания в специальной литературе традиционно относят к числу условий, гарантирующих информирование участвующих в деле лиц о разбирательстве в суде⁷.

В настоящее время извещение участников гражданского судопроизводства с использованием электронных ресурсов производится посредством: СМС-сообщений⁸; направления судебного извещения по адресу электронной почты, указанному в процессуальном документе, адресованном

⁷ Чесовской Е.И., Шипилов А.Н. Судебные извещения и вызовы в гражданском судопроизводстве // Российское правосудие. 2012. № 1. С. 67–69.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 4; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

суду, а также с использованием сервиса «Личный кабинет», размещенного на сайте ФГУП «Почта России», позволяющего сформировать в электронном виде почтовое отправление с извещением о вручении в электронном виде или альтернативным сообщением о поступлении судебного извещения лицу, участвующему в деле, в его личный кабинет при наличии у него подтвержденного профиля в единой системе идентификации и аутентификации интернет-портала государственных услуг в Российской Федерации (далее — ЕСИА)⁹.

По нашему мнению, для всех элементов системы упрощенных видов гражданского судопроизводства институт судебных извещений в электронном виде является первым важным компонентом, влияющим на расширение сферы их применения, ввиду следующего.

Во-первых, своевременное извещение участников процесса о месте, дате и времени рассмотрения дела позволяет оперативно получить информацию об инициированном судебном разбирательстве, в том числе в рамках упрощенных видов судопроизводства, и принять меры к реализации права на судебную защиту, в том числе в качестве гарантии защиты от необоснованного иска, выступив превентивным фактором злоупотребления процессуальными правами.

Во-вторых, использование электронных извещений существенным образом сокращает уровень служебной нагрузки на аппарат суда и позволяет минимизировать расходы по подготовке и направлению извещений на бумажном носителе.

В-третьих, информирование в электронном виде участников производства позволяет обеспечить соблюдение предусмотренного ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ пятнадцатидневного срока предоставления возражений относительно предъявленных требований, принятых к производству суда в порядке упрощенного производства, а также предусмотренного ч. 3 этой же статьи тридцатидневного срока предоставления дополнительных документов участниками процесса, соблюдение которых в настоя-

щее время выступает одним из факторов, препятствующих широкому использованию упрощенного производства в гражданском судопроизводстве.

В неразрывной связи с институтом судебных извещений в электронном виде находится такой информационный сервис, как создание электронных хранилищ судебных документов и возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде.

Необходимо отметить, что Приказом Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 3 июля 2013 г. №132 «Об утверждении Временного регламента перевода документов федеральных судов общей юрисдикции в электронный вид» предусмотрен единый порядок осуществления деятельности аппаратов федеральных судов общей юрисдикции по сканированию судебных документов (актов), размещению их в электронном хранилище, а в текущем периоде в развитии данного порядка принят Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19 марта 2019 г. № 56 (в ред. от 16.07.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции».

Формирование электронных хранилищ судебных документов обеспечивает решение задачи ознакомления с материалами дела в электронном виде, что особенно актуально для лиц участвующих в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства.

Значение данного компонента электронного правосудия можно системно проиллюстрировать на примере заочного, приказного и собственно упрощенного видов производства, применяемых в сфере гражданского судопроизводства.

Как следует из положения п. 3 ч. 1 ст. 238 ГПК РФ, в заявлении об отмене заочного решения должно содержаться в том числе указание на доказательства, которые могут повлиять на содержание заочного решения суда по делу. При этом согласно ч. 1 ст. 237 ГПК РФ ответчик вправе подать в суд, принявший заочное решение, заявление об отмене этого решения суда в течение семи дней со дня вручения ему копии этого решения. Наличие электронного хранилища с возможностью обеспечения доступа ответчику, не присутствовавшему

⁹ Потапенко С.В., Чаркин С.А., Зарубин А.В., Потапенко Н.С. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / под общ. ред. В.Н. Соловьева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 307.

по уважительной причине в судебном заседании при вынесении заочного решения, посредством доступа и аутентификации своей личности в профиле ЕСИА выступит важной гарантией реализации его права на подачу заявления об отмене заочного решения, а для иных лиц, участвующих в деле, не согласных с постановленным решением, — права на апелляционное обжалование судебного постановления суда первой инстанции.

В свою очередь, размещение материалов приказного производства и текста самого судебного приказа в электронном хранилище с обеспечением возможности такого же доступа должнику с условием его аутентификации для ознакомления с размещенными в хранилище документами выступит либо стимулирующим фактором к исполнению требования, по которому выдан судебный приказ, либо позволит должнику современно обратиться с возражениями относительно исполнения судебного приказа, не дожидаясь принятия мер к принудительному исполнению его требований, выносящих на повестку дня вопросы поворота исполнения и, соответственно, дополнительной служебной нагрузки на аппарат мирового судьи и его самого.

В то же время обеспечение доступа к электронному хранилищу, содержащему материалы рассмотренного в упрощенном производстве гражданского дела, позволит своевременно реализовать в предусмотренный ч. 5 ст. 232.4 ГПК РФ сокращенный пятнадцатидневный срок право на апелляционное обжалование судебного постановления суда первой инстанции.

Оценивая тенденции влияния механизма выдачи судебных актов в виде электронного документа с обеспечением их размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на развитие упрощенных видов гражданского судопроизводства, отметим, что такая деятельность, осуществляемая в настоящее время в соответствии с требованиями Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», также предполагает дальнейшее техническое совершенствование информационных компонентов правоприменительной деятельности судов в направлении обеспечения возможности размещения на официальных сайтах судов в сети Интернет

не только итоговых судебных постановлений по рассмотренным делам, но и принимаемых по отдельным процессуальным вопросам определений, изготовленных в виде отдельного процессуального документа, допускающего возможность его обжалования в соответствии с положениями ст. 331 ГПК РФ. Такая возможность в настоящее время не реализована, например, в отношении определений о принятии мер по обеспечению иска, определений о возвращении исковых заявлений или о назначении по делу судебной экспертизы, возможность обжалования которых в части приостановлении производства по делу и распределения судебных расходов также не исключается.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Применяемые в настоящее время элементы системы электронного правосудия выступают не только универсальным катализатором, влияющим на ускорение реализации права на судебную защиту в сфере гражданского судопроизводства, но и в силу своей сущности позволяют качественно трансформировать правоприменительную деятельность суда путем переноса в сферу электронного документооборота ряда типовых процессуальных действий, например, извещения участников процесса, доведения до сведения лиц, участвующих в деле, содержания судебных постановлений, принятых в ходе и по итогам рассмотрения спора и др.

Такая качественная оптимизация деятельности суда и его аппарата, влеченная в сущностные компоненты отдельных видов упрощенного производства по гражданским делам, указанным выше, приобретает значение самостоятельного фактора расширения сферы применения упрощенного производства за счет успешного решения нормативно нерегламентированных вопросов в контексте соблюдения сроков рассмотрения дела и разумных сроков судопроизводства в целом.

Вместе с тем при оценке тенденций совершенствования механизма реализации права на судебную защиту и доступа к правосудию в условиях цифровой экономики, в том числе при рассмотрении дела в порядке упрощенных видов судопроизводства с использованием электронных сервисов системы электронного правосудия, следует указать, что достижение цели повышения доступности правосудия требует решения

ряда задач, нормативные и организационные предпосылки к которому уже созданы.

Среди первоочередных из них — перевод деятельности как мировых, так и федеральных судов в унифицированную плоскость единой автоматизированной системы, формирование электронных дел и соответствующих архивов с регламентацией порядка доступа к ним через систему идентификации и аутентификации интернет-портала государственных услуг в Российской Федерации и возможностью их использования в деятельности проверочных инстанций, а также размещение всех судебных постановлений по рассматриваемым гражданским делам на официальных сайтах судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не только для обеспечения информированности лиц, участвующих в деле о его движении, но и

создания гарантий реализации права на их обжалование.

Подводя итог анализу вопросов, отраженных в настоящей публикации, укажем, что реформирование гражданского процессуального законодательства в части внедрения элементов электронного правосудия может рассматриваться в качестве не только универсального фактора прогрессивной трансформации правоприменительной деятельности, но и непосредственного фактора совершенствования упрощенных видов гражданского судопроизводства, позволяющих как обеспечить экономию процессуальных ресурсов, так и ускоренную эффективную защиту нарушенных и оспариваемых прав, соответствующую принципам процессуальной экономии и отвечающую современным целям и задачам проводимой в нашей стране судебной реформы.

Литература

1. Бахарева О.А. Введение упрощенного производства в гражданском судопроизводстве — оптимизация рассмотрения и разрешения гражданских дел / О.А. Бахарева // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 61. С. 22–27.
2. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства / К.Л. Брановицкий // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.
3. Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы / Н.А. Громошина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 17–21.
4. Карпунина Н. Актуальные вопросы развития информационно-технического обеспечения отправления правосудия / Н. Карпунина. URL: <https://www.garant.ru/interview/1166742/>
5. Постовалова Е.В. Унификация упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе / Е.В. Постовалова, Е.С. Шумейко // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4 (37). С. 246–250.
6. Потапенко С.В. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / С.В. Потапенко, С.А. Чаркин, А.В. Зарубин, Н.С. Потапенко ; под общей редакцией В.Н. Соловьева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 925 с.
7. Смагина Е.С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе / Е.С. Смагина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 57–63.
8. Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы / А.Е. Солохин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 135–157.
9. Чесовской Е.И. Судебные извещения и вызовы в гражданском судопроизводстве / Е.И. Чесовской, А.Н. Шипилов // Российское правосудие. 2012. № 1. С. 67–69.
10. Шерстюк В.М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права / В.М. Шерстюк // Законодательство. 2019. № 2. С. 56–64.

**Гаврюшов
Никита Евгеньевич,**
аспирант кафедры гражданского
права и процесса
Института права Челябинского
государственного университета
gavryushov2000@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-21-25

Сравнительная характеристика правового положения государственных органов в административном и гражданском судопроизводстве

В представленной статье изучаются различные точки зрения относительно места и правового положения государственных органов в рамках административного и гражданского судопроизводства. Также в работе уделяется внимание истинным интересам участия государственных органов в суде.

Ключевые слова: государственные органы, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, публичный интерес, права и интересы граждан.

Изучая деятельность государственных органов, связанную с участием в суде, в независимости от подведомственности, возникает вопрос: на чьей стороне и в защиту чьих прав и законных интересов выступают государственные органы и какую цель они преследуют?

В поисках ответа на данный вопрос выявился плюрализм мнений в научном сообществе.

Первая точка зрения полностью сочетается с постулатами Конституции РФ.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 3 Конституции РФ народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Тем самым участие государственных органов как в административном, так и в гражданском судопроизводстве нацелено на создание соответствующей обстановки, которая в первую очередь будет сконцентрирована на защите прав и интересов граждан.

Так, Н.Ю. Хамаева и М.В. Пучкова поддерживают точку зрения о том, что «в системе конституционных отношений человек, его права и свободы занимают особое место. Конституция Российской Федерации провозглашает целью и важнейшей обязанностью государства, всех органов признание приоритета, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 18). В соответствии со ст. 8 именно они опре-

деляют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, местного самоуправления»¹.

Тождественная позиция поддерживается немногочисленным количеством ученых, отчасти это обусловлено очевидностью этого факта, подкрепленного Конституцией РФ, а отчасти по иным причинам, отраженным в следующих точках зрения.

Рассматривая институт участия государственных органов в гражданском судопроизводстве с отсылкой либо на ст. 47 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), либо на ст. 256.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), большинство ученых воспринимает государственные органы как некий экспертный орган либо орган, выступающий в защиту чужих права (прав граждан)².

Напротив, в отношении административного судопроизводства сформировано иное отношение как законодателя, так и ученых. Если обратить внимание на структуру

¹ Хамаева Н.Ю., Пучкова М.В. Проблемы взаимодействия гражданина с государственным аппаратом в сфере реализации и защиты прав личности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1. С. 1.

² Кашина А.В., Фадеев А.В. Роль органов государственной власти и местного самоуправления в гражданском процессе // Право: современные тенденции : материалы V Международной научной конференции (г. Краснодар, 20–23 февраля 2018 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Краснодар : Новация, 2018. С. 25.

Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ), то можно увидеть тот факт, что в кодексе отсутствует норма, регулирующая участие государственных органов, как в ГПК РФ или АПК РФ. При этом глава 22 КАС РФ регулирует взаимодействие граждан с государственными органами в рамках административного судопроизводства, и она связана не с защитой государственными органами прав граждан, а регулирует процедуру защиты от государственных органов.

Е.С. Смагина, анализируя административную юстицию, определяет ее как специальный институт судебного контроля за действиями и решениями исполнительной власти, направленный на обеспечение прав и свобод человека и гражданина³.

Таким образом, административное судопроизводство в большей степени представляют собой компромиссное решение между интересами государства и интересами граждан.

Еще одна точка зрения о процессуальной позиции государственных органов устанавливается Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ), выражающаяся в том, что государственные органы представляют интересы Российской Федерации и от ее имени могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус таких государственных органов (п. 1 ст. 125 ГК РФ).

Тем самым государственный орган, как самостоятельный субъект правоотношений, выполняет сразу несколько ролей, связанных одной формой:

— непосредственные — представляют защиту имущественных интересов государства;

— опосредованные — в действительности представляют защиту интересов государства, при этом государство должно защищать права и интересы граждан через деятельность таких органов.

Проанализировав правовые положение государственных органов в гражданском и административном производстве, возникает вопрос: на чьей стороне и кого защищают государственные органы — самих себя, Рос-

сийскую Федерацию или права и законные интересы граждан?

Учитывая тот факт, что Российской Федерацией является демократическим государством, то права и законные интересы граждан должны преобладать над остальными интересами государства, ведь согласно Конституции РФ народ и является властью. Так, Е.С. Смагина отдельно выделяет категории идеальной модели «публичного интереса», которые представляют собой наиболее близкое слияние интересов общества (граждан) с интересами государства, такое равновесие может быть достигнуто исключительно в правовом государстве, такое государство стремится уменьшить деятельность государственных органов в интересах, выходящих за пределы общественных⁴. Такое видение «публичного интереса» представляется лишь в элизиуме, так как подобная модель не совпадает с существующими правовыми реалиями.

Ситуацию о решениях судов, принимаемых в пользу государственных органов, можно посмотреть на примере отчетных данных, полученных с официального сайта Межрегионального территориального Росимущества в Челябинской и Курганской областях (далее — Росимущество)⁵. Так, в 2017 г. решений в пользу Росимущества было вынесено 108, а проиграно 81, в 2018 г. — 134 и 96 соответственно. При этом к разъяснениям указанных данных следует добавить, что большинство дел, которые являются «проигрышными» для Росимущества, — это формальные дела, практика по которым сложилась таким образом, что их разрешение возможно только в судебном порядке, где Росимущество занимает пассивную позицию ответчика и не возражает против заявленных требований: это дела о взыскании коммунальных платежей за объекты недвижимости, находящиеся в собственности Российской Федерации, поскольку бюджет не предусматривает такую статью расходов, взыскание денежных средств по делам о вымороченном имуществе происходит по причине того, что Российская Федерация принимает на себя обязанности наследодателя, по делам о признании права собственности, причиной служит то, что спорные объекты недвижимого имущества не значатся в ре-

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Челябинской и Курганской области. URL: <https://tu74.rosim.ru/> (дата обращения: 18.06.2020).

³ Смагина Е.С. Участие государственных органов и органов местного самоуправления в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 49.

естре федерального имущества, тем самым интересы Российской Федерации в данных спорах не нарушаются.

Исходя из изложенной статистики, количество решений в пользу государства существенно больше, чем в пользу граждан.

По мнению Г.И. Иванец, «в идеале общие или общесоциальные интересы — это одновременно и общегосударственные интересы. Целью появления и существования демократического государства является необходимость в обеспечении общих интересов. При этом интересы государства могут и не пересекаться с общими. С формально-юридической позиции закон содержит общие и согласованные интересы. На самом деле такая ситуация может и не произойти»⁶. Несмотря на это, идеальность модели не является негативной или неэффективной, напротив, она должна выступать цензом между допустимыми и противоправными отношениями общества и государства.

Государственные органы «в идеальных условиях» созданы для отражения публичных интересов, что зависит от уровня вовлеченности в правовые конфликты с отдельными физическими и юридическими лицами (организациями). Цель административно-процессуального режима — обеспечить ключевые принципы судебного разбирательства: равенство сторон и состязательность, несмотря на объем полномочий и положений сторон.

До появления КАС РФ учеными процессуалистами велись активные обсуждения о его необходимости, поскольку, помимо рассмотрения вопросов права, в административном процессе с участием государственных органов, в спорах о законности и обоснованности их нормативных актов, ставится вопрос об учете публичного интереса, соответственно, необходимо выделение отдельной ветви судопроизводства, которая бы регулировала споры, связанные с субъективными публичными правами и свободами граждан⁷.

Административное судопроизводство предполагает собой поиск баланса между публичным интересом и защитой прав конкретных граждан и интересов субъектов

публичных правоотношений. При этом поиски баланса должны сопровождаться участием органов, которые будут наделены необходимым объемом полномочий для разрешения возникшего конфликта.

Исследуя различные точки зрения по процессуальному положению государственных органов, возникает необходимость рассмотрения не только проблем, но и путей ее решения.

Н.В. Ченцов в своей работе указывает, что наиболее удачный путь разрешения проблемы участия Российской Федерации в гражданско-правовых отношениях и защиты ею своих интересов в подобных отношениях должен реализоваться путем изложения ст. 47 ГПК РФ (и соответственно ст. 256.8 АПК РФ) в новой редакции. Изменения заключаются в замене словосочетания «в случаях, предусмотренных законом» на «в необходимых случаях». Тем самым уйдет противоречие по вопросу участия государственных органов как субъекта гражданских правоотношений и процессуальных, в силу которых государственные органы могут участвовать только для дачи заключения по делу⁸.

Следующая альтернативная позиция, которой условно придерживается законодатель, — это действующая редакция ГПК РФ и АПК РФ, в указанных кодексах регулируется вопрос участия государственных органов в деле с целью дачи заключения по делу по запросу суда и в предусмотренных законом случаях. А в случае, если государство посредством своих органов защищает собственные интересы, руководствоваться положениями ГК РФ и общими положениями процессуального законодательства.

Еще одна точка зрения в рамках настоящего исследования заключается в следующем.

Пересечение публичного и частного интереса возникает и при даче заключения по делу государственными органами. В такой ситуации применение указанной нормы является спорным ввиду того факта, что государственные органы навязывают свое мнение и влияют на решение, которое будет вынесено судом. Такой процессуальный институт, как дача заключения по делу государственным органом, является своего рода консультацией суда, какое решение не-

⁶ Иванец Г.И. Право как нормативное выражение согласованных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16.

⁷ Ярцев А.А. Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (по страницам ведущих российских юридических журналов) // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10. С. 45.

⁸ Ченцов Н.В. Участие государственных органов в исковом гражданском судопроизводстве с целью защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Сер. : Право. 2014. № 3. С. 235.

обходимо вынести, чтобы в первую очередь удовлетворить интересы государства, а не конкретного гражданина. Аналогия проводится с заключением прокурора по делу. Подобные положения смыывают границы конституционного принципа разделения властей, так как судебная, исполнительная и особая — надзорная воссоединяются для принятия решения по делу. Такое положение нарушает принцип состязательности сторон, поскольку в таком споре суд принимает не доказательства сторон, а заключение по делу, нивелирует доказательства, представленные сторонами по делу.

Если проанализировать электронные ресурсы судов и судебную практику по ст. 47 ГПК РФ и ст. 256.8 АПК РФ, можно заметить, что государственные органы в разы чаще участвуют в судебных разбирательствах в качестве стороны по делу, чем для дачи заключения по делу и выступлению в защиту чужих интересов. Так как в этих случаях происходит защита интересов Российской Федерации, поскольку эффективность деятельности государственных органов определяется исключительно посредством отчета, сколько дел на стороне истца или ответчика выиграно и проиграно, а какие последствия это понесло для конкретных граждан, которые являлись оппонентами государственных органов, и удалось ли реализовать один из главных конституционных принципов, который подразумевает под собой то, что государственный орган является «инструментом» в руках народа. А в действительности «инструмент» представляет собой обычную сторону по делу — участника гражданско-правовых отношений, которому необходимо всеми способами получить решение в свою пользу.

Учитывая тот факт, что вышестоящие инстанции государственных органов подконтрольны в большей своей массе Правительству РФ, все они преследуют одну цель — благополучное существование государства. Таким образом, встает вопрос о необходимости обращаться к конкретным государственным органам, а не к «источнику проблемы».

В связи с этим возникает проблема по определению административного ответчика, причиной чему являются многочисленные изменения и реформирование структуры государственных органов, изменение их системы, реорганизация, установление полномочий, передача одних и тех же объектов недвижимости, земельных участков из подведомственности одного органа другому, дублирование полномочий, разобщенность

органов в рамках одной и той же компетенции. КАС РФ, в отличие от других процессуальных кодексов, допускает возможность решения подобной проблемы путем замены ненадлежащего административного ответчика и процессуального правопреемства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 43 КАС РФ в случае, если при подготовке административного дела к судебному разбирательству или во время судебного разбирательства в суде первой инстанции будет установлено, что административное исковое заявление подано к лицу, которое не должно отвечать по заявленным требованиям, суд с согласия административного истца заменяет ненадлежащего административного ответчика. В соответствии с ч. 1 ст. 44 КАС РФ предусматривает, что в случае, если в период рассмотрения административного дела орган государственной власти, иной государственный орган или орган местного самоуправления, являющийся стороной в административном деле, реорганизован, суд производит замену этой стороны его правопреемником. В случае если какой-либо из указанных органов либо организация, наделенная государственными или иными публичными полномочиями, упразднены, суд производит замену этой стороны органом или организацией, к компетенции которых относится участие в публичных правоотношениях в той же сфере, что и рассматриваемые судом спорные правоотношения, либо к компетенции которых относится защита нарушенных прав, свобод и законных интересов административного истца. Суд может приостановить производство по делу, если организация, наделенная определенными полномочиями, была упразднена или преобразована, а ее правопреемник еще не приступил к исполнению полномочий (ст. 191 КАС РФ).

Таким образом, КАС РФ хотя и сохраняет за административным истцом право на выбор ответчика и соответственно выбор конкретного государственного органа, отвечающего за неправомерные действия, по мнению истца, но дает право суду произвести замену ответчика на надлежащего для более правильного и быстрого рассмотрения дела. Вместе с тем такая возможность гражданским судопроизводством не предусмотрена.

Наличие такой нормы существенно упрощает процесс и ускоряет его в случае, если выбран некомпетентный орган или произошло правопреемство, это уменьшает работу суда, юристов, упрощает судебный процесс.

Поскольку в настоящее время наблюдается тенденция к унификации административного, гражданского и арбитражного процесса, следует использовать подобную норму во всех указанных формах, а также рассмотреть возможность ее более масштабной реформации.

Двигаясь по пути развития и оптимизации административного, гражданского судопроизводства, можно сделать шаг вперед и использовать опыт зарубежных стран.

Так, ст. 3 Конституции США допускает споры между гражданами и штатом как самостоятельным субъектом права, а не одного из многочисленных государственных органов⁹.

Таким образом, реформация может выражаться в том, что административный истец в случае нарушения его прав и законных интересов будет оспаривать действия не конкретного государственного органа, который уже может быть к тому моменту реорганизован или не обладать достаточными полномочиями, а обращаться непосредственно к Российской Федерации или ее субъектам. После поступления такого заявления в суд уже либо сам суд, либо координирующий орган назначит компетентную организацию,

которая должна будет представлять интересы государства или субъекта в суде.

В действительности судебные споры на стыке частных и публичных интересов удовлетворяют публичный интерес, несмотря на то что деятельность демократического государства нацелена на оказание благоприятных условий для народа. Причиной расхождения является излишний формализм в подходе к разрешению конкретных ситуаций как суда, так и публичных органов. Поскольку не каждая проблема, разрешенная путем точного следования закону, повлечет выгодный исход как для граждан, так и для государства.

Гражданское судопроизводство предлагает достаточное многообразие форм участия государственных органов, как в качестве участника гражданско-правовых отношений и, как следствие, пребывание в судебном процессе в форме активной или пассивной стороны по делу, так и для представления заключения по делу.

Административное судопроизводство, в свою очередь, достаточно узко направляет деятельность государственных органов в ходе судебного разбирательства, поскольку основным направлением государственных органов в административном судопроизводстве является отставание совершенных ранее действий или принятых решений (актов), которые активно оспариваются гражданами.

⁹ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учебное пособие. 8-е изд., испр. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 549.

Литература

1. Иванец Г.И. Право как нормативное выражение согласованных интересов : диссертация кандидата юридических наук / Г.И. Иванец. Москва, 2001. 209 с.
2. Кашина А.В. Роль органов государственной власти и местного самоуправления в гражданском процессе / А.В. Кашина, А.В. Фадеев // Право: современные тенденции : материалы V Международной научной конференции (г. Краснодар, 20–23 февраля 2018 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Краснодар : Новация, 2018. С. 24–26.
3. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учебное пособие / составитель, переводчик, автор введения и вступительной статьи В.В. Маклаков. 8-е изд., испр. и доп. Москва : Инфотропик Медиа, 2012. 564 с.
4. Смагина Е.С. Участие государственных органов и органов местного самоуправления в административном судопроизводстве / Е.С. Смагина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 49–53.
5. Хаманаева Н.Ю. Проблемы взаимодействия гражданина с государственным аппаратом в сфере реализации и защиты прав личности / Н.Ю. Хаманаева, М.В. Пучкова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1. С. 5–44.
6. Ченцов Н.В. Участие государственных органов в исковом гражданском судопроизводстве с целью защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации / Н.В. Ченцов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 232–239.
7. Ярцев А.А. Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (по страницам ведущих российских юридических журналов) / А.А. Ярцев // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10. С. 44–48.

Бекашева
Динара Ильдаровна,
 кандидат юридических наук
 dibekyasheva@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-26-30

Уведомление о вручении ответчику процессуальных бумаг в гражданском судопроизводстве*

В статье автор анализирует последние изменения процессуального законодательства — введение в гражданский процесс правила уведомлять ответчика и других лиц посредством направления копии искового заявления и приложенных к нему документов. Новелла созвучна целям проводимых судебных реформ, направлена на унификацию процессуального законодательства. Однако анализ судебной практики применения аналогичного правила, закрепленного в АПК РФ и КАС РФ, включает единообразное применение, вскрывает трудности выполнения этого требования физическими лицами.

Ключевые слова: гражданский процесс, уведомление о вручении процессуальных документов ответчику.

Гражданское процессуальное законодательство с завидной частотой подвергается изменению. Одни преобразования являются существенными, онтологически оправданными, согласуются с основными идеями судебной реформы. Другие — возникают ниоткуда, не соотносятся с потребностями правоприменительной деятельности, не могут быть обоснованы с теоретической позиции, вступают в противоречие со сложившимися научными представлениями о правовом явлении. К сожалению, подобная трансформация судебной реформы «из способа достижения долгосрочных стратегических результатов в метод перманентного управления правотворчеством в соответствующей сфере»¹ уже неизбежно произошла. Так, Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 451-ФЗ) вызвал множество вопросов², изменил устройство

российской судебной системы, ввел в российское гражданское судопроизводство правило о раскрытии доказательств³, а также закрепил за истцом обязанность прикладывать к исковому заявлению уведомление о состоявшемся вручении ответчику.

Последняя новелла из приведенных выше, являясь на первый взгляд созвучным XXI столетию изменением, и будучи уже знакомым процессуальному законодательству правилом (п. 1 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, ч. 7, 8 ст. 125, п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ), влечет много вопросов как теоретического, так и практического порядка.

Соглашаясь с целью последних судебных реформ, сводимых к унификации процессуальных норм, и надеясь не только на создание одинаковых правил во всех процессуальных кодификациях, но и на принятие единого ГПК РФ, подчеркнем, что возможности участников спорных отношений в состязательном процессе различны. Необходимость дифференцированного подхода к процессуально-правовому статусу различных участников спора очевидна. Судебная практика содержит множество примеров, вскрывающих трудности, с которыми сталкиваются физические лица при выполнении требования п. 1 ч. 1 ст. 126

¹ Головкин Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.

² Бекашева Д.И. Отказ законодателя от термина «подведомственность», или Уязвимые правила «новой» подсудности: что дальше? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 126–143; Янков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

³ Бекашева Д.И. Новелла ст. 56 ГПК РФ о раскрытии доказательств: иллюзия или реальность? // Российский судья. 2019. № 11. С. 10–14.

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

АПК РФ в арбитражном процессе⁴. Очевидно, имплементации в процессуальную форму пусть и знакомых гражданскому процессуальному законодательству правил следует осуществлять через призму целей проводимой судебной реформы, но учитывать главное условие проводимых реформ — доступ к правосудию каждого конкретного субъекта, реализующего право на судебную защиту.

Учреждая модель судопроизводства, законодатель исходит из состязательных начал, правил, выработанных еще средневековой итальянской доктриной. Защита гражданских прав в суде может интересоваться исключительно его обладателя, где судебная защита должна быть поставлена в зависимость от воли управомоченного⁵, что «ведет к разделению труда в производстве, при котором каждому из тяжущихся предоставлено выполнение той части работы, которая его наиболее интересует, ему наиболее известной и которую он в состоянии наиболее успешно выполнить»⁶.

Имеет смысл пропустить через существенные характеристики состязательности — «разделения труда» и «выполнения работы, наиболее известной» — нововведения Закона № 451-ФЗ, расширившие обязанности истца на этапе предъявления искового заявления. Рассмотрим с практической позиции возложенные на истца обязанности: 1) представлять суду максимально подробные данные ответчика (п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ); 2) уведомлять ответчика и лиц, участвующих в деле, о предстоящем судебном разбирательстве, направляя

копии искового заявления и приложений к нему документов (п. 6 ст. 132 ГПК РФ).

Развернутые данные ответчика. Обязанность истца предоставлять развернутую информацию об ответчике не снимает с судебных органов обязанность устанавливать личность участвующего в деле лица, а также документально подтверждать место регистрации, извещать ответчика по всем имеющимся в материалах дела адресам, получать адресные справки, сличать адрес регистрации с местом жительства ответчика⁷. Получается, указанное расширение данных об ответчике предполагает оптимизацию поисковой деятельности суда, стало быть, при отсутствии какой-либо информации из перечня, приведенного в п. 6 ст. 132 ГПК РФ, не может служить основанием для оставления заявления без движения. Нужно учитывать, что по некоторым делам требование о предоставлении хотя бы какой-либо информации об ответчике совсем не выполнимо. Например, о взыскании причиненного действиями наследодателя ущерба, информация о вступивших в права наследниках потерпевшему лицу вовсе не доступна. Применение ст. 136 ГПК РФ в таких ситуациях должно быть выборочным, дифференцированным, обеспечивающим доступ к судебной защите.

Важно также обратить внимание, что в силу ч. 2 ст. 47 Конституции РФ суд первой инстанции *ex officio* проверяет правильность применения правил подсудности, а также выбранного заявителем вида судопроизводства. Применение общего правила территориальной подсудности суд проверяет путем направления запроса в соответствующие органы и службы (многофункциональные центры, реестры, подразделения МВД РФ, содержащие информацию о регистрации граждан по месту жительства). В ином случае согласно ч. 2 ст. 47 Конституции РФ, а также п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ судебное решение, вынесенное в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, будет отменено, а при установлении условий применения п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 19 июня

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 29 апреля 2019 г. № 300-ЭС19-4650 по делу № СИП-577/2018 ; Определение Верховного Суда РФ от 11 мая 2018 г. № 307-КГ18-4954 по делу № А56-34812/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Некоторые правовые ситуации вызывают недоумение: физическому лицу в арбитражном процессе, получается, проще неоднократно обжаловать судебный акт, вынесенный в связи с несоблюдением п. 1 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, чем исполнить требование об уведомлении ответчика (или ответчиков). См., напр.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 декабря 2019 г. № Ф01-6076/2019 по делу № А31-9212/2015 ; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 28 мая 2013 г. по делу № А11-7580/2012 ; и др. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, 2005. С. 190.

⁶ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / с предисл. и под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 109.

⁷ См., напр.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 24 февраля 2016 г. по делу № 33-1100/16 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. № 88-10258/2020 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»⁸ дело будет передано на рассмотрение по подсудности в суд первой инстанции.

Уведомление о вручении искового заявления ответчику. Это правило, с одной стороны, призвано снизить работу суда на ранних этапах. С другой — в отсутствии четких требований и практических разъяснений может повлечь злоупотребление как со стороны участников (заявителя⁹ и ответчика¹⁰), так и суда¹¹. Безусловно, «идеальным подтверждением» надлежащего извещения участника судебного разбирательства является получение пакета документов, засвидетельствованное собственноручной подписью участника спора. Однако существующая система правовых фикций о процессуальном извещении сохраняет баланс процессуального равноправия сторон.

Анализ судебной практики выполнения данного требования физическими лицами в арбитражном процессе, в административном судопроизводстве, а также применение недавно введенного требования п. 6 ч. 2 ст. 132 ГПК РФ справедливо вызывают ряд вопросов:

1) документы, подтверждающие надлежащим образом выполненное уведомление;

2) подтверждение факта направления истцом именно копии искового заявления и приложенных к нему документов (решение вопроса об описи отправления)¹²;

3) при затруднениях нести финансовое бремя почтового отправления возможность применения ч. 2 ст. 333.20 НК РФ для лиц, ищущих защиты в судах общей юрисдикции, и ч. 2 ст. 333.22 НК при обращении физического лица в арбитражный суд;

4) уведомление лица одним почтовым конвертом, содержащим сразу несколько исковых заявлений¹³.

Более того, введение схожих правил, направленных на унификацию процессуального законодательства, должно осуществляться и в сложившейся судебной практике, положения которой указывают на необходимость применять устанавливаемое правило по аналогии в рамках иных производств. Бессистемность проводимого реформирования подтверждает множество примеров, применительно к рассматриваемой теме является пример не учтенных в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 разъяснений. Представлять уведомление о вручении, подтверждающее направление другим лицам арбитражного дела копий искового заявления и приложенных к нему документов, в равной степени распространяется в арбитражном процессе и на подачу заявления о выдаче судебного приказа¹⁴. Однако появившееся в гражданском

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 6 ноября 2018 г. № 300-КГ18-17567 по делу № СИП-304/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2017 г. № 302-ЭС17-1919 по делу № А74-10293/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Злоупотребление государственного органа, являющегося ответчиком, см.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2020 г. № 88-10372/2020 по делу № М-1462/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 303-ЭС17-18319 по делу № А73-5868/2017; Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2018 г. № 72-КГ18-9; Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2018 г. № 11-КГ17-38 // СПС «КонсультантПлюс». В гражданском судопроизводстве см.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2020 г. № 88-6023/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Единообразное толкование введенной нормы п. 6 ч. 2 ст. 132 ГПК РФ об отсутствии необходимости оформлять опись вложения см.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2020 г. № 88-9803/2020; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2020 г. № 88-6023/2020; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2020 г. № 88-10372/2020 по делу № М-1462/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ В Определении от 7 декабря 2017 г. № 303-ЭС17-18319 по делу № А73-5868/2017 Верховный Суд РФ указывает, что нормами процессуального законодательства не исключается возможность направления нескольких исковых заявлений в одном почтовом отправлении.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального

судопроизводстве правило представлять истцу уведомление о вручении искового заявления ответчику не повлекло внесение дополнительных разъяснений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 применительно к гражданскому процессу. К тому же отметим действительную важность и оправданность заблаговременного уведомления должника о начатом в его отношении приказном производстве, позволяющего ему ответственно отследить вынесение судебного приказа и при несогласии, своевременно направив возражение, требовать у мирового судьи его отмены.

Небезызвестно, что идея реформ в начале 1990-х гг., провозглашающая создание реального состязательного процесса, перенос основной активности по установлению фактических обстоятельств дела с суда на стороны с возложением на последних ответственности за результат их поведения, где гражданский процесс «должен стать услугой, оказываемой государством сторонам», была признана ошибочной¹⁵. Одной из причин, препятствующих перенести с суда на стороны активное ведение дела, оказалась все больше и больше расширяющаяся подведомственность дел с участием физических лиц арбитражным судам. Возможности физических лиц в сравнении с возможностями юридических лиц в арбитражном процессе существенно разнятся. Успешно достигнутыми цели судебной реформы будут при условии сохранения баланса процессуальных возможностей различных участников спора. Унификация процессуально-правовых требований, реализация которых существенно отодвигает от подлинного равноправия и состязательности, далеко неоправдана и недопустима.

В ходе реформ 90-х гг. XX в. была в целом реализована идея социального правосудия, направленная на обеспечение равенства сторон в процессе, на защиту более слабой стороны за счет более активной роли суда. Кажется, именно данный ориентир может разграничить административное судопроизводство от гражданского, оправдать существование самостоятельной кодификации административного судопроизводства. И применительно к рассматриваемой новелле в гражданском процессе в ч. 7 ст. 125 КАС РФ эта разница обнаруживается: за административным истцом, не обладающим государственными или иными публичными полномочиями, предусматривается диспозитивное *право* направлять другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложений к нему документов, а за административным истцом, обладающим государственными или иными публичными полномочиями, закрепляется *обязанность* уведомлять других лиц. Хочется верить, что нормы ч. 7 ст. 125 КАС РФ создавались не искусственно, лишь с той целью, чтобы со всей очевидностью отразить различия между гражданским и административным судопроизводством, что они являются объективно обусловленными самим процессом и субъектным составом его участников. Но, к сожалению, судебная практика подтверждает обратное. Так, ч. 7 ст. 125 КАС РФ применительно к административным истцам, не обладающим государственными или иными публичными полномочиями, суды рассматриваемое право квалифицирует различным образом¹⁶, оставляют процессуальные документы без движения, возвращают их, требуют представить документы, представление которых является проявлением волеизъявления стороны. Диспозитивное право административного истца, не обладающего государственными или иными публичными полномочиями, все же подтверждает Верховный Суд РФ, снимая с них обязанность по предоставлению суду доказательств получения направленных документов адресатом¹⁷. Получается, физическое лицо или организация, не наделенная государственными полномочиями, может и не уведомлять ответчика в администра-

ции производства от гражданского, оправдать существование самостоятельной кодификации административного судопроизводства. И применительно к рассматриваемой новелле в гражданском процессе в ч. 7 ст. 125 КАС РФ эта разница обнаруживается: за административным истцом, не обладающим государственными или иными публичными полномочиями, предусматривается диспозитивное *право* направлять другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложений к нему документов, а за административным истцом, обладающим государственными или иными публичными полномочиями, закрепляется *обязанность* уведомлять других лиц. Хочется верить, что нормы ч. 7 ст. 125 КАС РФ создавались не искусственно, лишь с той целью, чтобы со всей очевидностью отразить различия между гражданским и административным судопроизводством, что они являются объективно обусловленными самим процессом и субъектным составом его участников. Но, к сожалению, судебная практика подтверждает обратное. Так, ч. 7 ст. 125 КАС РФ применительно к административным истцам, не обладающим государственными или иными публичными полномочиями, суды рассматриваемое право квалифицирует различным образом¹⁶, оставляют процессуальные документы без движения, возвращают их, требуют представить документы, представление которых является проявлением волеизъявления стороны. Диспозитивное право административного истца, не обладающего государственными или иными публичными полномочиями, все же подтверждает Верховный Суд РФ, снимая с них обязанность по предоставлению суду доказательств получения направленных документов адресатом¹⁷. Получается, физическое лицо или организация, не наделенная государственными полномочиями, может и не уведомлять ответчика в администра-

кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Интервью с заведующим кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Владимиром Владимировичем Янковым // Юрист. 2019. № 9. С. 4–11.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2018 г. № 11-КГ17-38 // СПС «КонсультантПлюс». Суды нижестоящих инстанций к административному истцу, являющемуся физическим лицом, применили последствия, установленные ст. 126 и 130 КАС РФ, оставили административное исковое заявление без движения.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2018 г. № 72-КГ18-9 // СПС «КонсультантПлюс».

тивном судопроизводстве, а лицо с аналогичным правовым статусом, вступающее в гражданское судопроизводство, приложить к процессуальным бумагам уведомление о вручении материалов ответчику обязано. Хотя, по сути, и неправильной, но более логичной была бы обратная ситуация, поскольку субъекты, наделенные государственными или иными публичными полномочиями, располагаются по официальному адресу места нахождения и ведут внутреннее делопроизводство. В связи с этим надлежащим образом уведомить и получить доказательство состоявшегося вручения (например, штампа с входящим номером документа) не представляет труда.

Суды общей юрисдикции в свете ч. 7 ст. 125 КАС РФ административным истцам, обладающим государственными и иными полномочиями, предлагали представлять состоявшееся отправление квитанцией и вручать адресату документы под расписку¹⁸, т.е. представить и административным истцам, не имеющим государственных полномочий, достоверные сведения о получении административного искового заявления и приложенных к нему документов¹⁹, поскольку сам по себе представленный конверт с отметкой «истек срок хранения» не является доказательством соблюдения административным истцом указанных требований закона²⁰. Из анализа большинства актов судебной практики можно сделать

вывод, что некоторые суды в некотором «дублировании» юридических конструкций, обнаруживаемом в ч. 7 ст. 125 КАС РФ, все же обнаруживают торжество права, объяснимую разницу процессуального статуса административных истцов. Но пока будет признаваться доказательством надлежащего уведомления административного ответчика конверт с отметкой «истек срок хранения» и/или ошибочно применяться правила ст. 165.1 ГК РФ в отношении физических лиц, говорить о справедливости и законности выносимых судебных актов не приходится. Административное судопроизводство приобретет статус самостоятельного, объективно отличающегося от гражданского и арбитражного процесса тогда, когда в КАС РФ будет не только обнаруживаться разница, обусловленная субъектным составом участников административного судопроизводства, но и насквозь проходить четко обозначенной красной нитью.

Правильность применения ч. 7 ст. 125 и п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ, а стало быть и обеспечение равного доступа к правосудию и эффективности судебной защиты, требует разъяснений трех важных вопросов: 1) признать диспозитивным право лица, не обладающего государственными или иными публичными полномочиями, направлять уведомление ответчику; 2) перед применением последствий, регламентированных ст. 125, 126 и 130 КАС РФ, устанавливать в отношении каждого административного истца его статус как органа, обладающего государственными или иными публичными полномочиями; 3) не допускать применение ст. 165.1 ГК РФ, ошибочно экстраполируя последствия и на физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя.

¹⁸ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 21 июля 2016 г. по делу № 33а-10124/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 4 апреля 2018 г. № 33а-1383/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Апелляционное определение Томского областного суда от 12 августа 2016 г. по делу № 33а-3029/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бекашева Д.И. Новелла ст. 56 ГПК РФ о раскрытии доказательств: иллюзия или реальность? / Д.И. Бекашева // Российский судья. 2019. № 11. С. 10–14.
2. Бекашева Д.И. Отказ законодателя от термина «подведомственность», или Уязвимые правила «новой» подсудности: что дальше? / Д.И. Бекашева // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 126–143.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васильковский ; с предисловием и под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 441 с.
4. Головкин Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / Л.В. Головкин // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.
5. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. Краснодар : Советская Кубань, 2005. 472 с.
6. Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

Кузнецова**Екатерина Хенаровна,**аспирант кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов
Всероссийского государственного университета юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России))
kates48@ya.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-31-34

Соглашение о распределении судебных расходов в гражданском судопроизводстве

В настоящей статье рассмотрены перспективы применения процессуальных соглашений в современном гражданском процессе. Природа таких соглашений является смешанной. С одной стороны, заключение процессуального соглашения является юридическим фактом, порождающим основания возникновения прав и обязанностей сторон, заключивших данное соглашение. Таким образом, соглашение входит в предмет регулирования гражданского права. С другой стороны, соглашение заключается в рамках судебной процедуры, требует утверждения властным субъектом, т.е. судом, и без такого утверждения не имеет юридической силы. Публично-правовой характер гражданско-процессуального права, по мнению автора, противоречит идее интеграции некоторых институтов гражданского права в судопроизводство по гражданским делам с учетом специфики соответствующих правоотношений. В статье предложено внедрить в гражданское судопроизводство России новый вид соглашения, а именно соглашение о распределении судебных расходов.

Ключевые слова: судебные расходы, распределение судебных расходов, соглашение о распределении судебных расходов, возмещение расходов, взыскание судебных расходов, судебные издержки, процессуальное соглашение, соглашение в процессуальном праве, соглашение в гражданском процессе.

Долгое время процессуальные соглашения рассматривались авторами лишь в качестве юридического факта, являющегося частью юридического состава, обязательным элементом которого выступает волеизъявление суда. В.В. Ярков указывал на то, что мировое соглашение и другие сделки, заключаемые в рамках гражданского судопроизводства, имеют высокую степень согласованности, поскольку выражают волю одновременно двух сторон процесса¹. При этом суд, санкционирующий волеизъявление сторон, участником данного правоотношения не является.

Значительный вклад в развитие теории процессуальных соглашений в гражданском процессуальном праве внесен О.Н. Шеменевой, которая в рамках диссертационного исследования рассмотрела виды процессуальных соглашений и обосновала вывод о том, что в основе концепции процессуальных соглашений лежит достижение целей и задач гражданского судопроизводства как одного из направлений

оптимизации гражданского процессуального законодательства².

В настоящее время в современном российском гражданском процессе наиболее распространен только один тип процессуального соглашения — мировое соглашение, заключением которого оканчивается производство по делу. Однако мировое соглашение — не единственный вид соглашений, которые могут быть заключены сторонами и лицами, участвующими в деле.

В гражданско-правовом договоре может содержаться условие по подсудности спора в случае его возникновения, устанавливаться территориальная подсудность спора. Помимо этого, стороны могут заключить соглашение о применении претензионного порядка урегулирования споров, о применении альтернативных способов разрешения и урегулирования споров.

В последние два десятилетия законодателем было принято немало положений,

¹ Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 51.

² Шеменова О.Н. Процессуальные соглашения в гражданском процессуальном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2017. С. 12.

целью принятия которых было стимулирование сторон к примирению, причем не только по основному материально-правовому спору, но и по сопутствующим вопросам, которые можно назвать второстепенными по отношению к предмету спора.

М.А. Рожкова в работе, посвященной мировым сделкам, не обошла стороной и сделки, предметом которых являются судебные расходы. При этом она указала на то, что могут быть распределены как расходы, необходимые для осуществления правосудия, так и дополнительные расходы³.

Судебные расходы, понесенные сторонами и лицами, участвующими в деле, подлежат распределению судом по правилам главы 7 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), главы 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) и главы 10 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ).

Несмотря на наличие правил о распределении судебных расходов между сторонами и лицами, участвующими в деле, нередки случаи, когда участник процесса не удовлетворен решением суда именно в части распределения понесенных по делу судебных расходов.

С одной стороны, это обусловлено теми же обстоятельствами, что и в случае неудовлетворенности решением суда по существу заявленных исковых требований. Проблема эта не нова и давно является предметом исследования ученых-процессуалистов.

При этом неудовлетворенность обусловлена не только наличием, к примеру, судебной ошибки, но и множеством других факторов, оказывающих влияние на удовлетворенность судебной процедурой в целом.

Проблема неудовлетворенности решением суда является весьма актуальной вследствие высокого темпа развития отношений, имеющих экономическую природу, а также усложнения процесса ведения экономической деятельности. В этой связи продолжил свое развитие институт медиации, призванный разгрузить суды и разрешить дело наиболее оптимальным для сторон образом.

Некоторые авторы в принципе считают практику разрешения споров в судах не лучшим вариантом решения спорного вопроса. Одним из доводов является то, что при решении спора по существу одна из сторон, как правило, не удовлетворена решением суда. Другое дело — мировое соглашение, заключенное между сторонами. Соглашение является выражением воли обеих сторон, поэтому оно исполняется сторонами добровольно, без вмешательства государства.

В тексте мирового соглашения стороны должны предусмотреть порядок распределения судебных расходов. В случае если стороны такой порядок не предусмотрели, суд разрешает вопрос самостоятельно в соответствии со ст. 95, 97, 99, 100 ГПК РФ.

В случае отказа истца от иска судебные расходы в пользу истца не возмещаются. Если истец не поддерживает свои требования вследствие добровольного удовлетворения его требований до вынесения судом решения, судебные расходы взыскиваются с ответчика по просьбе истца⁴.

Зачастую случается, что истец, не имея претензий к ответчику вследствие добровольного удовлетворения его требований, не отказывается от иска, а уточняет исковые требования таким образом, что единственным искомым требованием остается взыскание с ответчика судебных расходов, понесенных истцом. Таким образом, суду при отсутствии материально-правового спора необходимо выносить решение по делу, в котором отсутствует спор о материальном праве. Подобная ситуация представляется нам неоправданной и противоречащей смыслу искового производства.

В качестве решения данной проблемы мы видим введение в ГПК РФ нормы, позволяющей заключить соглашение о распределении судебных расходов, которое может быть утверждено судом на любой стадии судебного разбирательства, в том числе на стадии исполнения решения суда. В случае утверждения судом такого соглашения у суда не будет необходимости разрешать этот вопрос самостоятельно. Подобная мера также будет способствовать

³ Рожкова М.А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2004.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2002. 20 ноября.

добровольному исполнению условий соглашения.

В случае добровольного удовлетворения ответчиком требований истца до вынесения решения суда необходимость вынесения судебного решения по существу спора у суда отсутствует. Таким образом, судебная процедура оптимизируется, и у сторон появляется дополнительная возможность прийти к консенсусу по вопросу судебных расходов, понесенных в рамках рассматриваемого дела.

Безусловно, введение нового вида процессуального соглашения в гражданском процессуальном праве требует детальной проработки со стороны законодателя. Любое изменение закона должно быть обосновано, подкреплено научными исследованиями и рекомендовано научным сообществом. Только в таком случае обеспечивается максимальная вероятность «приживания» нового правила к существующей законодательной базе.

Предлагаемые автором изменения вписываются в существующую модель гражданского процессуального права, не противоречат принципам гражданского судопроизводства, соответствуют его задачам. Помимо прочего, предлагаемые нововведения могут способствовать налаживанию продуктивной работы в урегулировании спора между участниками судебного процесса, поскольку если они придут к согласию в одном вопросе, то увеличится вероятность их примирения в другом. Таким образом, проявится медиативная функция суда, которая, в свою очередь, предоставит сторонам больше возможностей прийти к единому знаменателю, пусть хотя бы в части имеющихся правопритязаний.

Хотя соглашение и является инструментом гражданского права, устанавливающим, изменяющим или прекращающим правоотношения сторон, в случае его применения в гражданской судебной процедуре оно становится эффективным и при разрешении споров. Предметом процессуального соглашения является установление, изменение или прекращение определенной процессуальной обязанности или процессуального права в случае, если это не противоречит закону и не нарушает прав третьих лиц.

На наш взгляд, в современной судебной процедуре недостаточно широко

применяется институт процессуальных соглашений. Связано это, прежде всего, с тем, что в настоящее время гражданский процесс настолько стандартизован, что у судей сложился определенный стереотип проведения процесса, а именно стремление рассмотреть дело в наиболее сжатые сроки, окончить производство и вынести окончательный судебный акт как можно быстрее. Естественно, при этом не может идти речи о продолжительной деятельности, направленной на примирение сторон.

Одновременно суд не является медиатором, основной задачей которого является нахождение любой возможности договориться и заключить медиативное соглашение. Суд разрешает спор, способствуя при этом примирению сторон. Поэтому важным фактором в его деятельности является соблюдение баланса прав и интересов сторон, а также неукоснительное соблюдение требований закона.

Именно поэтому, на наш взгляд, наиболее уместным станет включение в гражданское процессуальное законодательство нормы, закрепляющей возможность заключения соглашения о распределении судебных расходов на любой стадии судебного процесса, в том числе на стадии исполнения решения суда.

Такая норма должна быть включена в ст. 150 ГПК РФ, регламентирующую вопросы, выносимые судом на обсуждение на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Именно на данной стадии гражданского процесса стороны следует ознакомить с особенностями рассмотрения той или иной категории дел, с наличием вероятности несения ими определенных расходов на последующих стадиях судебного процесса и с возможностью заключения процессуального соглашения в части распределения судебных расходов. Полагаем, что подобные изменения будут соответствовать гражданской процессуальной форме и способствовать соблюдению гарантий, обеспечивающих вынесение судом законного и обоснованного решения.

Отметим, что с учетом общей тенденции гражданского процесса к упрощению предлагаемые нами соглашения могут быть заключены только в рамках искового производства, потому что именно здесь имеются наиболее расширенные возможности для поиска самого благоприятного

варианта окончания спора между сторонами. В настоящее время возможность для этого имеется. При рассмотрении судами дел в порядке приказного или упрощенного производства подобные соглашения не станут эффективным инструментом.

С точки зрения эффективности данной процедуры мы должны в первую очередь обозначить ее альтернативность и соответственно диспозитивность. На практике нередко встречаются случаи, когда при окончании дела и разрешении спора по существу одна из сторон остается неудовлетворенной решением суда только в части распределения судебных расходов. В этом случае она инициирует достаточно сложную и продолжительную процедуру пересмотра дела в суде апелляционной инстанции, которая, в свою очередь, наделена полномочиями рассмотрения дела и проверки решения не только по доводам апелляционной жалобы. В результате решение суда первой инстанции может быть отменено по мотивам, даже не содержащимся в апелляционной жалобе, а дело пересмотрено таким образом, что недовольными окажутся уже обе стороны. На наш взгляд, в таком случае не будет соблюден принцип диспозитивности и подобных ситуаций следует избегать.

Еще одним аргументом в пользу установления возможности заключения процессуального соглашения о распределении судебных расходов является обеспечение предсказуемости исхода судебной процедуры. Мы считаем, что предсказуемость определенного исхода рассмотрения дела способствует повышению уровня качества всей деятельности судов по разрешению гражданских дел.

Лицо, обратившееся в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав,

а также лицо, к которому предъявлены определенные требования, должны быть осведомлены не только о наличии у них определенных прав и обязанностей, разъяснить содержание которых является обязанностью суда, но и о том, какие варианты исхода дела могут быть в данном конкретном случае.

Например, при рассмотрении судами некоторых категорий дел высока вероятность назначения судом экспертизы (дела о возмещении ущерба, о защите прав потребителей), которая проводится либо за счет сторон, либо за бюджетные деньги с последующим взысканием соответствующих расходов со стороны. Обсуждать вопрос оплаты экспертизы непосредственно в судебном заседании нецелесообразно, так как это приводит к излишнему затягиванию рассмотрения вопроса о назначении судебной экспертизы. Однако при отсутствии расхождений во мнениях относительно назначения экспертизы и постановки определенных вопросов эксперту у сторон могут возникнуть разногласия в вопросе оплаты данной экспертизы. Подобные детали, казалось бы малозначительные, как раз и определяют качество всей процедуры рассмотрения дел. Чем больше остается вопросов, недостаточно проработанных с законодательной точки зрения, тем чаще на практике появляются затруднения в реализации законов.

В сущности, такая реформа позволит повысить качество рассмотрения гражданских дел, ведь качество рассмотрения определяется количеством отмен судебных решений. В случае заключения соглашения о распределении судебных расходов у суда не будет обязанности разрешать вопрос о судебных расходах в тексте судебного решения.

Литература

1. Рожкова М.А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки / М.А. Рожкова // Подготовлен для Справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2004.
2. Шеменова О.Н. Процессуальные соглашения в гражданском процессуальном судопроизводстве : диссертация доктора юридических наук / О.Н. Шеменова. Воронеж, 2017. 432 с.
3. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права / В.В. Ярков. Екатеринбург : Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1992. 184 с.

Детярев Сергей Леонидович,
 профессор кафедры гражданского процесса
 Уральского государственного
 юридического университета,
 доктор юридических наук
 ds1001@mail.ru

Боярский Даниил Алексеевич,
 магистр юриспруденции,
 аспирант кафедры гражданского права
 Уральского государственного
 юридического университета,
 партнер Science and Practice law firm
 dboarski@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-35-38

Переговоры как примирительная процедура

В статье авторы рассматривают переговоры как примирительную процедуру в гражданском и арбитражном процессе. Исследуются понятие и цели переговоров, сроки и порядок их проведения, полномочия и активная роль суда в примирении. Отмечается, что недобросовестное ведение переговоров является основанием ответственности за недобросовестную реализацию процессуальных прав и обязанностей.

Ключевые слова: примирительные процедуры, переговоры, процессуальная революция, процессуальные права, добросовестность.

В рамках «процессуальной революции» законодатель уделил внимание усовершенствованию примирительных процедур, расширив и упорядочив возможности примирения сторон. В процессуальное законодательство внесены нормы о переговорах как об одной из форм судебного примирения, что соответствует реальной практике взаимоотношений сторон. Вполне очевидно, что до заключения мирового соглашения стороны фактически ведут переговоры об условиях примирения, ищут компромисс и взаимовыгодное решение. Поэтому неслучайно в Концепции Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ переговоры назывались основной примирительной процедурой, которая осуществляется по воле сторон, без каких-либо посредников или иного «внешнего» участия и без законодательного определения правил ведения переговоров.

Под переговорами в целях настоящей статьи мы будем понимать систему действий сторон, направленных на урегулирование материально-правового конфликта и судебного спора путем поиска взаимовыгодного компромиссного решения. Подчеркнем, переговоры не сводятся лишь к вербальному обмену позициями и предложениями относительно предмета спора,

в рамках переговорного процесса стороны имеют возможность совершать различные фактические и юридические действия, если это будет необходимо для преодоления разногласий, в частности, обмен дополнительными документами, не обязательно являющимися доказательствами по делу, обмен информацией, проведение оценок и исследований, определение перспектив альтернативных способов прекращения обязательств и т.п.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» указывалось, что в российском обществе существует высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров, которые будут способствовать не только повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, но и в первую очередь снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, становлению и развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону, а также повышению правосознания и социальной активности. Отмечалось, что лаконичность и разрозненность не позволили институту примирения стать эффективным инструментом урегулирования споров. Аналогичная цель сохранения деловых связей и после судебного разбирательства намечена в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Стоит отметить,

¹ Концепция Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы от 08.12.2014 № 124) // СПС «КонсультантПлюс».

несмотря на внесение изменений в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ на основании одного федерального закона, в гражданском и административном судопроизводстве имеются некоторые коллизии в регулировании примирительных процедур².

Процессуальное законодательство относит переговоры к примирительным процедурам, следовательно, к ним применимы общие правила о судебном примирении.

В этой связи, наряду с названными целями, переговоры должны служить достижению ближайшего непосредственного результата в виде выработки наиболее оптимального и взаимовыгодного разрешения материально-правового конфликта, что может быть достигнуто различными процессуальными средствами, как поименованными в ст. 138.6 АПК РФ, 153.7 ГПК РФ, так и иными.

При этом стороны, вступая в переговоры, должны приложить усилия к достижению результата примирения, но не несут ответственности, если переговоры не увенчаются успехом. Это следует из общих принципов диспозитивности, равенства и состязательности процесса, а также добровольности примирительных процедур. Вместе с тем добровольность примирительных процедур не означает возможность использования переговоров в качестве средства затягивания судебного разбирательства и не исключает ответственности за недобросовестное ведение переговоров.

При оценке действий сторон на стадии переговоров о примирении возможно применение критериев недобросовестного ведения переговоров, выработанных в гражданском праве. Так, в силу ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ презюмируется недобросовестным вступление в переговоры без намерения заключить договор, внезапное и неоправданное прекращение переговоров, если другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, раскрытие конфиденциальной информации. При оценке этих обстоятельств учитывается,

насколько стороны оказались близки к завершению переговоров, формирование разумных ожиданий в заключении договора, предмет и условия будущего обязательства, в зависимости от которого может быть определена релевантная информация. Принимаются во внимание причины недостижения согласия, учитывается степень сотрудничества сторон³. Недопустимость раскрытия конфиденциальной информации, полученной в ходе переговоров, корреспондирует процессуальному принципу конфиденциальности примирения. Возможность применения этих критериев обусловлена также и спецификой мирового соглашения как гражданско-правовой сделки, к которой применяются материально-правовые нормы о сделках того или иного вида.

В пояснительной записке к законопроекту о примирении подчеркивается необходимость и важность активной роли суда в содействии сторонам в урегулировании споров.

Для повышения роли суда процессуальное законодательство наделяет суд следующими полномочиями.

Во-первых, примирительная процедура может быть проведена не только по ходатайству сторон, но и по предложению арбитражного суда. В случае согласия сторон с предложением арбитражного суда о проведении примирительной процедуры, удовлетворения ходатайства сторон или одной стороны при согласии другой стороны о проведении примирительной процедуры суд выносит определение о проведении примирительной процедуры и при необходимости об отложении судебного разбирательства. Отметим новизну данной нормы по отношению к ранее действовавшей редакции ст. 158 АПК РФ и 169 ГПК РФ, допускавших отложение судебного разбирательства в целях урегулирования спора по ходатайству другой стороны и в случае принятия решения о проведении процедуры медиации.

Во-вторых, ч. 1 ст. 138.1 АПК РФ закрепляет новую разновидность определения суда — определение о проведении

² Загайнова С.К. О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 10–14.

³ Дегтярев С.Л., Боярский Д.А. Недобросовестное прекращение переговоров как основание гражданско-правовой ответственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 50–54.

примирительной процедуры. При необходимости судебное заседание может быть отложено. В таком определении отражается результат распорядительных действий и активной роли суда в примирении — суд определяет круг вопросов для урегулирования которых может быть использована примирительная процедура, сроки проведения примирительной процедуры. Допускаются иные указания, необходимые для обеспечения надлежащего проведения примирительной процедуры и соответствующие содержанию спорного правоотношения. В частности, суд может предложить сторонам провести сверку взаимных расчетов, осуществить совместный осмотр предметам спора, совершить иные подобные действия. При этом видится необоснованным чрезмерное вторжение суда в переговоры, в том числе путем определения каких-либо требований к процедуре переговоров. Предъявление таких требований будет не вполне соответствовать сущности переговоров как формы исключительно самостоятельного, инициативного урегулирования спора.

Вполне очевидно, что стороны в силу принципа добровольности примирительных процедур вправе выйти за пределы определенного судом круга вопросов и обсуждать иные вопросы, которые будут способствовать достижению цели примирения. Такой подход также будет соответствовать сложившейся в судебной практике возможности включить в мировое соглашение обязательства, прямо не вытекающие из предмета спора. Представляется необоснованным вынесение судом императивных предписаний о видах необходимых действий.

Определение о проведении примирительной процедуры не может быть обжаловано, так как такая возможность прямо не предусмотрена законом, а проведение процедуры не препятствует дальнейшему движению дела. Определения, служащие связующим звеном между различными стадиями в правоприменительном цикле, как правило, не могут быть обжалованы отдельно от судебного решения или иного заключительного судебного акта. Но в них окончательно разрешается вопрос о порядке движения дела, с ними связана дальнейшая динамика арбитражных процессуальных правоотношений, поэтому

они вступают в законную силу немедленно, с момента их вынесения⁴.

Несмотря на то что отложение заседания является правом суда, у суда отсутствуют основания для отказа в удовлетворении ходатайства об отложении заседаний в целях примирения, в том числе путем переговоров. В то же время, если на момент его рассмотрения суд располагает сведениями об отсутствии у второй стороны намерения урегулировать спор подобным способом, в удовлетворении ходатайства может быть отказано⁵.

Примирительная процедура должна быть завершена в срок, установленный судом в определении о проведении примирительной процедуры. Поскольку срок проведения примирительной процедуры является процессуальным сроком, лица, участвующие в деле, не вправе изменить его своим соглашением, срок может быть продлен судом по ходатайству сторон. Определение об отказе в продлении срока проведения переговоров может быть обжаловано, что создает определенные риски искусственного затягивания судебного разбирательства. Вместе с тем, несмотря на то что истечение срока по общему правилу погашает право на совершение определенного процессуального действия, стороны вправе ходатайствовать о проведении повторной примирительной процедуры, если более ранняя процедура не привела к примирению.

Продление процессуальных сроков, назначенных судом, осуществляется по правилам о восстановлении пропущенных сроков, что, в свою очередь, предполагает наличие уважительных причин. По нашему мнению, в целях содействия примирению сторон вопрос о продлении сроков переговоров (как и других примирительных процедур) не должен встречать повышенных требований к наличию уважительных причин, по крайней мере, если ни одна из сторон не возражает против продолжения

⁴ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, И.Г. Арсенов и др. ; под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 1152 с.

⁵ Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова и др. ; отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 480 с.

переговоров. Если же ходатайство заявлено только одной из сторон, то вопрос о продлении срока необходимо учитывать с учетом мнения другой стороны и обстоятельств проведения переговоров в пределах срока, установленного судом. В любом случае необходимо учитывать недопустимость использования примирительных процедур в качестве способа затягивания судебного разбирательства. Именно для этой цели в Концепции Единого гражданского процессуального кодекса было предложено и получило отражение в процессуальных кодексах установление срока проведения примирительной процедуры.

Наряду с процессуальным поведением сторон необходимо принимать во внимание и общий принцип осуществления судопроизводства в разумный срок. Действия сторон на стадии примирения не должны приводить к чрезмерному затягиванию сроков разбирательства и длительному сохранению спорности, неопределенности в отношениях сторон.

Стороны переговоров не несут ответственности за недостижение результатов примирения, однако могут быть привлечены к ответственности за недобросовестную реализацию процессуальных прав и обязанностей. Так, суд вправе отнести судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными правами и не выполнившее своих процессуальных обязанностей, либо не признать понесенные им судебные издержки необходимыми, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела

и принятию итогового судебного акта (п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1). Другим последствием злоупотребления процессуальными правами является отказ в удовлетворении ходатайства о проведении или о продлении срока примирительной процедуры. В силу ст. 99 ГПК РФ имеется потенциальная возможность взыскания со стороны, недобросовестно ведущей переговоры, компенсации за потерю времени, фактически представляющую собой меру ответственности в виде возмещения убытков. Отметим, однако, что взыскание такой компенсации не получило на сегодняшний день широкого распространения в правоприменительной практике. Поскольку злоупотребление процессуальными правами представляет недобросовестную реализацию процессуальных прав с целью причинения вреда правосудию и иным лицам, выражается в отклонениях от предписаний процессуальных норм⁶, то и меры ответственности должны быть предусмотрены процессуальным законодательством. Вместе с тем такой подход не исключает применение и иных мер ответственности за недобросовестное ведение переговоров в рамках примирительных процедур, в том числе в виде возмещения убытков за раскрытие конфиденциальной информации или напрасно понесенных расходов вследствие злоупотребления переговорными возможностями.

⁶ Соловьева Т.В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 62–78.

Литература

1. Дегтярев С.Л. Недобросовестное прекращение переговоров как основание гражданско-правовой ответственности / С.Л. Дегтярев, Д.А. Боярский // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 50–54.
2. Загайнова С.К. О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 10–14.
3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, И.Г. Арсенов [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Инфотропик Медиа, 2011. 1152 с.
4. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О.В. Абонова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова [и др.] ; ответственный редактор И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2018. 480 с.
5. Соловьева Т.В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве / Т.В. Соловьева // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 62–78.

Подшивалов Тихон Петрович,

заместитель директора
по научной работе
Юридического института
Южно-Уральского государственного
университета
(Национальный исследовательский
университет),
кандидат юридических наук
podshivalovtp@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-39-42

Соотношение иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты

В статье анализируются правовые позиции российских судов относительно проблемы соотношения иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты гражданских прав. Сделан вывод о нетождественности иска о признании вещного права отсутствующим с негативным иском, иском о признании права, что обуславливает необходимость корректировки судебной практики относительно вопроса о правовой квалификации исследуемого способа защиты. Иск о признании вещного права отсутствующим имеет правопрекращающий характер, что обуславливает его отличие от многих способов защиты гражданских прав.

Ключевые слова: гражданское право, вещное право, вещные иски, иск о признании права отсутствующим, негативный иск, оспаривание зарегистрированного права, иск о признании вещного права, виндикационный иск, снос самовольной постройки, реституция.

В соответствии со ст. 8 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. Эффективность восстановления прав напрямую зависит от тех способов, которыми оно достигается. При определении вида требования о защите субъективного права нередко возникает ситуация, когда тождественные юридические факты служат основанием для предъявления различных исков. Иными словами, появляется несколько вариантов правовой квалификации одних и тех же фактов.

Исходя из этого, в судебной практике поднимается вопрос о соотношении иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты. Но здесь важно понимать, что вывод суда о том, что истцом выбран ненадлежащий способ защиты, что он ошибся в квалификации своего требования, не является фатальным. В силу правовой позиции, сформированной ВАС РФ в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22, Постановлениях от 19 июня 2012 г. № 2665/12, от 24 июля 2012 г. № 5761/12, в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд не должен отказывать в иске ввиду неправильного указания норм права, а обязан сам определить, из какого правоотношения спор возник и какие нормы подлежат применению.

Судебная практика по иску о признании вещного права отсутствующим стала формироваться на основе правовой позиции ВС РФ. В абз. 4 п. 52 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» сказано: «В случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующим».

Исходя из обозначенной формулировки правовой позиции ВС РФ, возникает проблема соотношения иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты гражданских прав. Поэтому необходимо найти место иска о признании вещного права отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав.

Для решения вопроса о конкуренции исков необходимо дать краткую характеристику иска о признании вещного права отсутствующим. Это требование используется для устранения ошибочных записей, когда

необходимо произвести корректировку реестра прав на недвижимость. Рассматриваемый способ защиты используется для решения следующих конфликтных ситуаций: 1) в реестре прав на недвижимое имущество имеется запись о праве на вещь, которая в действительности не обладает свойствами недвижимой вещи; 2) двойная регистрация одного объекта недвижимости за двумя лицами из-за ошибки при индивидуализации; 3) существование записи в реестре об обременении, которое в реальности было прекращено; 4) наличие регистрационной записи на вещь, которая в действительности уже перестала существовать как физический объект гражданских прав; 5) оспаривание зарегистрированного права, когда не разграничена собственность между публичными субъектами.

Обладают спецификой и условия удовлетворения иска. Иск о признании вещного права отсутствующим имеет следующие характерные черты: может быть предъявлен лицом, чьи законные интересы оспариваются наличием недостоверной записи в реестре прав на недвижимость; по данному иску истец не может требовать признания вещного права за собой; истец может доказать, что реестровая запись о праве ответчика является недостоверной; лицо, заявляющее это требование, владеет вещью, зарегистрированное право на которую оспаривается; применим в исключительном случае, когда нет основания для применения другого способа защиты; является средством оспаривания зарегистрированного права только на недвижимые вещи; удовлетворение иска влечет прекращающее оспариваемого зарегистрированного права; относится к частноправовым способам защиты.

Рассмотрим критерии соотношения иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты, конкуренция между которыми наиболее распространена в судебной практике.

Соотношение с требованием о сносе самовольной постройки. Проблема о соотношении этих требований возникает в ситуации, когда в реестре зарегистрировано право на недвижимость, которая обладает признаками самовольной постройки, что стало очевидно только после регистрации. Отсюда возникает вопрос: можно ли признать самовольной постройкой недвижимость, если право на нее внесено в реестр и она прошла кадастровый учет? В силу п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Обзор

судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» закреплена следующая правовая позиция: «Наличие государственной регистрации права собственности на объект недвижимого имущества само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении иска о сносе этого объекта как самовольной постройки».

Исходя из этой правовой позиции, в практике можно встретить случаи, когда заинтересованное лицо предъявляет два требования в рамках одного искового заявления — и иск о признании вещного права отсутствующим (чтобы исключить недостоверную запись из реестра), и иск о сносе самовольной постройки (обеспечить восстановление положения, которое существовало до нарушения). Такое удвоение требований излишне, поскольку иск о сносе самовольной постройки является специальным требованием и имеет приоритет над иском о признании вещного права отсутствующим. При этом иск о признании вещного права отсутствующим носит исключительный характер, что означает его применимость только в ситуации, когда невозможно защитить право истца другими средствами.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 24 января 2012 г. № 12576/11 сказано, что «зарегистрированное право собственности ответчика на объект, в зависимости от характера возникшего спора, наличия или отсутствия у этого имущества признаков недвижимости может быть оспорено либо по результатам рассмотрения иска, основанного на положениях статьи 222 Гражданского кодекса, одновременно с разрешением вопроса о судьбе этого объекта, либо по итогам рассмотрения требования о признании отсутствующим зарегистрированного права при наличии условий, предусмотренных пунктом 52 постановления от 29.04.2010 № 10/22».

Рассматриваемые иски проистекают из разных обстоятельств, что влечет недопущение их конкуренции. Иск о сносе самовольной постройки основан на незаконности возведения постройки, а иск о признании вещного права отсутствующим основан на том, что спорная вещь не обладает свойствами недвижимости.

Соотношение с иском о признании вещного права. Критерием разграничения выступает цель, которую преследует истец. Если истец претендует на спорную недвижимую вещь, то он должен заявлять требование

о признании вещного права, если же он хочет только исключить недостоверную запись в реестре, но сам на момент заявления иска не стремится получить право на спорную вещь, то применим иск о признании вещного права отсутствующим.

Проблема соотношения иска о признании вещного права и о признании вещного права отсутствующим носит больше лингвистический характер, поскольку связана с тем, как текстуально эти требования называются. Но их правовое значение различно. Иск о признании вещного права носит правоподтверждающий характер, т.е. направлен на констатацию и подтверждение того, что истец ранее приобрел вещное право на спорную вещь, но в силу неочевидности этого для всех участников гражданского оборота он обратился в суд для подтверждения уже существующего права. Иск о признании вещного права отсутствующим носит правопрекращающее значение, поскольку его удовлетворение влечет аннулирование реестровой записи, а в силу действующего законодательства запись является единственным доказательством существования права.

Соотношение с виндикационным иском.

Критерием соотношения является владение спорной вещью, как наличие права владеть, так и фактическое обладание ею. Если ответчик владеет вещью, то истец должен заявлять виндикационный иск, поскольку только в рамках данного требования может решаться вопрос о правомерности владения вещью и только им ответчик может понуждаться к возврату вещи. Если истец владеет недвижимостью, но запись в реестре указывает в качестве собственника ответчика, то спор между этими лицами должен решаться в рамках иска о признании вещного права отсутствующим.

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-15 сказано, что «одновременное удовлетворение иска о признании права отсутствующим и виндикационного иска невозможно, поскольку истребование имущества из чужого незаконного владения предполагает, что данное имущество выбыло из владения истца и находится во владении ответчика, в то время как признание права собственности ответчика отсутствующим возможно только при наличии у истца права собственности, владении им имуществом и неосновательной регистрации права собственности за ответчиком, который этим имуществом не владеет». Обозначенная

правовая позиция изложена и в других судебных актах¹.

Попытки обосновать применимость иска о признании вещного права отсутствующим в ситуации, когда спорной вещью владеет ответчик, связаны со стремлением обойти ст. 302 ГК РФ, которая была бы применима, если бы истец заявил виндикационный иск. Так, в Постановлении АС Центрального округа от 26 ноября 2015 г. № Ф10-4135/2015 по делу № А35-10763/2014 сказано: «При рассмотрении виндикационного иска обеспечивается возможность установления добросовестности приобретения имущества и его надлежащего собственника, соединение права фактического владения, а также защита владельца правилами об исковой давности, что гарантирует всем участникам спора защиту их прав, интересов, а также стабильность гражданского оборота».

Соотношение с негаторным иском. Вопрос о соотношении рассматриваемых исков наиболее активно стоит в судебной практике, поскольку ВС РФ высказал правовую позицию о том, что иск о признании вещного права отсутствующим квалифицируется на основании ст. 304 ГК РФ². Объясняется это не детальным анализом сущности этих исков, а сугубо прагматичной причиной — на негаторные требования не распространяется исковая давность в силу ст. 208 ГК РФ.

Пункт 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» называет иск о признании права

¹ Определение Верховного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 18-КГ17-169; Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-12; от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-15; от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-16; от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-17; от 10 апреля 2018 г. № 117-КГ18-18; от 24 апреля 2018 г. № 117-КГ18-10; от 24 апреля 2018 г. № 117-КГ18-14; от 24 апреля 2018 г. № 117-КГ18-20; от 24 апреля 2018 г. № 117-КГ18-21; от 24 апреля 2018 г. № 117-КГ18-22. URL: <https://legalacts.ru/sud/>

² Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2015 г. № 303-ЭС15-5520 по делу № А51-12453/2014; от 3 ноября 2015 г. № 32-КГ15-14; от 7 апреля 2016 г. № 308-ЭС15-15218 по делу № А32-25579/2014; от 7 апреля 2016 г. по делу № 310-ЭС15-16638, А35-8277/2014; от 10 июня 2016 г. по делу № 304-КГ16-761, А45-12706/2014; от 5 марта 2018 г. по делу № 308-ЭС17-15547, А32-7948/2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/>

отсутствующей разновидностью негаторного иска. Там сказано: «Иск о признании права отсутствующим арбитражным судом удовлетворен, поскольку истец является владеющим собственником недвижимости, право которого зарегистрировано в ЕГРП. Исковая давность на требование владеющего и реестрового собственника не распространяется, так как оно является разновидностью негаторного иска (статья 208 ГК РФ)».

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» закреплено следующее правило: «Исковая давность не распространяется на требования, прямо предусмотренные статьей 208 ГК РФ. К их числу относятся требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения, в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим».

Но с такой правовой позицией трудно согласиться, поскольку она не учитывает особенности этих двух способов защиты. Негаторный иск устраняет нарушения фактического характера, когда создаются помехи в осуществлении вещного права — затенение земельного участка, сваливание мусора и прочее. Иск о признании вещного права отсутствующим призван устранить оспаривание, когда ответчик не вторгается в физические границы вещи, а фактом регистрации в реестре права за собой оспаривает право реального собственника.

Соотношение с требованием о признании сделки недействительной и применении реституции. Иск о признании сделки недействительной позволяет оспорить правоустанавливающий документ, в силу которого внесена запись о спорном праве на недвижимость. Оспорить зарегистрированное право требованием о недействительности сделки можно, только если стороны этой сделки и стороны спора совпадают персонально. Если же истцом выступает третье лицо, не участвующее в сделке, то применим иск о признании вещного права отсутствующим.

В Определении Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 14-КГ18-12 сказано: «Зарегистрированное право собственности лица, владеющего имуществом, приобретенным по сделке не у истца, а у другого лица, может быть оспорено истцом путем истребования этого имущества по основаниям, предусмотренным ст. 302 ГК РФ, с установлением

всех необходимых для этого обстоятельств, в том числе связанных с защитой прав добросовестного приобретателя, и с соответствующим распределением обязанностей по доказыванию. Требование о признании права отсутствующим в качестве самостоятельного собственником против лица, которое этим имуществом не владеет, но право которого по каким-либо причинам зарегистрировано в реестре и тем самым нарушается право владеющего собственника, не связанное с утратой этого владения. Поэтому суд, рассматривая иск о признании недействительной одной из сделок в цепочке перепродаж земельного участка, не может просто признать отсутствующим право собственности у последнего приобретателя без учета правил ст. 302 ГК РФ».

Подводя итог рассмотрению критериев соотношения иска о признании вещного права отсутствующим, можно сделать следующие выводы. Иск о признании вещного права отсутствующим не может быть квалифицирован как разновидность негаторного иска, поскольку последний устраняет нарушение спокойного осуществления вещного права, когда ответчик создает помехи фактического характера. А иск о признании вещного права отсутствующим связан с юридическими помехами.

Иск о признании вещного права отсутствующим не может относиться к разновидности общего способа защиты, указанного в ст. 12 ГК РФ, — признание права. Нормативной основой применения иска о признании вещного права отсутствующим является ст. 12 ГК РФ, но в части требования о «восстановлении положения, существующего до нарушения права» (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). В материально-правовом значении признание права подразумевает исключительно констатацию наличия этого права, признание права не может быть связано с требованием об отрицании чье-либо права. Удовлетворение требования о признании вещного права отсутствующим влечет исключение недостоверной записи в реестре прав на недвижимость, что влечет восстановление положения, которое предшествовало внесению этой недостоверной записи.

Иск о признании вещного права отсутствующим должен являться разновидностью иска о прекращении вещного права. Исключение недостоверной реестровой записи влечет прекращение оспариваемого права на недвижимую вещь.

Богданов**Алексей Владимирович,**
доцент кафедры предпринимательского
права, гражданского и арбитражного
процесса Пермского государственного
национального исследовательского
университета,
кандидат юридических наук
predprim.pravo@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-43-46

Отдельные аспекты преюдиции в арбитражном процессе при взыскании убытков, возникших в результате неправомерных действий органов, осуществляющих публичные полномочия

В статье анализируется необходимость установления в ходе судебного спора о взыскании убытков с публично-правового образования неправомерного характера действий (бездействия) органов, наделенных публичными полномочиями. Рассматривается возможность применения положений об основаниях освобождения от доказывания при взыскании убытков с органа, наделенного публичными полномочиями, при наличии вступившего в законную силу решения суда по делу об оспаривании действий (бездействия) такого органа. Автор приходит к выводу о том, что в судебном процессе о взыскании убытков решение суда о признании ненормативного правового акта незаконным будет носить преюдициальный характер в вопросе доказывания неправомерности действий (бездействия) причинителя вреда.

Ключевые слова: преюдиция, преюдициальность, взыскание убытков, органы государственной власти, органы муниципальной власти, оспаривание ненормативного правового акта, бремя доказывания, неправомерность действий (бездействия) причинителя вреда.

Нередко в предпринимательской деятельности возникают ситуации, когда в результате совершения неправомерных действий (бездействия) или принятия незаконного ненормативного правового акта или решения органами государственной или муниципальной власти у предпринимателей возникают убытки.

Действующий правопорядок закрепляет право потерпевшего на взыскание убытков, причиненных неправомерными действиями (бездействиями) органов государственной или муниципальной власти (ст. 15, 1069 Гражданского кодекса РФ).

На практике предприниматели предпочитают использовать двухэтапный алгоритм при взыскании убытков с органа государственной или муниципальной власти, чьи действиями (бездействием) причинены убытки:

первый этап — это признание недействительным ненормативного правового акта, решения, незаконными действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, повлекших возникновение убытков;

второй этап — это непосредственно инициирование судебного процесса о взыскании убытков, причиненных неза-

конными действиями (бездействием) органа государственной или муниципальной власти, противоправный характер которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Исходя из общих положений о генеральном деликте, для взыскания убытков потерпевшему требуется доказать совокупность следующих обстоятельств:

- 1) противоправный характер действий (бездействия) причинителя вреда;
- 2) наличие убытков у потерпевшего и их размер;
- 3) причинно-следственную связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и возникшими у истца убытками;
- 4) вину причинителя вреда.

В соответствии с ч. 2 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

¹ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Возникает вопрос о том, какие из указанных обстоятельств не подлежат доказыванию в процессе при рассмотрении требования о взыскании убытков, возникших в результате противоправных действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, при наличии вступившего в законную силу решения суда, признавшего такие действия незаконными? Иными словами, в какой части решение суда о признании ненормативного правового акта, решения недействительным, действий (бездействия) незаконными будет иметь преюдициальное значение для спора о взыскании убытков?

Как справедливо отмечает И.В. Решетникова, преюдиция, как неотъемлемая часть процесса доказывания, присутствует в любом виде процесса. Ее цель — обеспечить стабильность судебных актов, ибо обстоятельства, единожды установленные во вступившем в законную силу судебном акте, не могут передоказываться или опровергаться при рассмотрении взаимосвязанных дел при наличии в совокупности объективных и субъективных пределов преюдиции².

Таким образом, преюдиция — это не только освобождение от доказывания ранее установленных обстоятельств, но и прямой запрет на их опровержение.

При этом под объективными пределами преюдиции понимают совпадение обстоятельств, подлежащих установлению в первоначальном деле и в рассматриваемом, а под субъективными пределами преюдиции — участие и в первоначальном, и в рассматриваемом делах одних и тех же лиц.

С.А. Карелина на основе анализа положений законодательства, разъяснений высших судебных инстанций и сложившейся судебной практики выделяет следующие ключевые условия, при которых обстоятельства, установленные судом по ранее рассмотренному спору, будут иметь преюдициальное значение для разрешения другого дела: во-первых, установленные судом обстоятельства по ранее рассмотренному делу имеют юридическое значение для разрешения нового спора; во-вторых, субъектный состав участников в ранее рассмотренном и в последующем

делах совпадает (в том числе в случае участия в новом деле правопреемников); в-третьих, судебный акт вступил в законную силу (при этом установленное по делу обстоятельство потеряет преюдициальное значение в случае его отмены)³.

Для разрешения поставленного вопроса о пределах преюдиции необходимо определить, какие обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении судом требования о признании незаконным ненормативного правового акта, решения, действия (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, и являются ли они юридически значимыми при рассмотрении требования о взыскании убытков.

Согласно положениям Арбитражного процессуального кодекса РФ (ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 4 ст. 200, ч. 2 ст. 201) при рассмотрении требования об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц подлежат установлению следующие обстоятельства:

— противоречие оспариваемых ненормативных актов, решений, действий (бездействия) положениям закона или нормативного правового акта;

— нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности, возложение на них каких-либо обязанностей, создание иных препятствий для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Следовательно, противоречие оспариваемого ненормативного правового акта, решения положениям закона или нормативного правового акта, противоправный характер действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти — причинителя вреда является как предметом доказывания в иске о взыскании убытков, так и входит в предмет доказывания в процессе об оспаривании ненормативного правового акта, действий (бездействия) органа, наделенного публичными полномочиями, должностного лица.

² Решетникова И.В. Преюдиция и бремя доказывания в современном арбитражном процессе // Закон. 2018. № 4. С. 32.

³ Карелина С.А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Приложение к журналу Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 19.

При этом бремя доказывания данного обстоятельства распределяется в данных процессах по-разному: в исковом процессе это бремя доказывания истца, заявляющего требование о взыскании убытков, а в публично-правовом процессе о признании недействительным ненормативно-правового акта, незаконными решений, действий (бездействия) органа, наделенного публичными полномочиями, должностного лица доказывание правомерности акта входит в обязанность органа государственной или муниципальной власти, должностного лица.

Указанное положение установлено в ч. 5 ст. 200 Арбитражного процессуального кодекса РФ, предусматривающей, что обязанность доказывания соответствия оспариваемого ненормативного правового акта, решения, действий (бездействия), а также наличия у соответствующего органа полномочий по принятию такого акта, решения или совершения действий (бездействия) возлагается на орган, наделенный публичными полномочиями.

В комментариях к данной норме исследователи отмечают, что такое перераспределение бремени доказывания обусловлено предположением наличия у органа, наделенного публичными полномочиями, как более сильной стороны в споре административно-правового характера, больших по сравнению с заявителем организационно-правовых возможностей для защиты⁴.

Субъективные пределы преюдиции в рассматриваемом случае заключаются в том, что круг лиц в иске об оспаривании ненормативного правового акта, решения и в иске о взыскании убытков, причиненных неправомерными действиями (бездействиями) органа, наделенного публичными полномочиями, должен признаваться совпадающим, поскольку как сам орган, наделенный публичными полномочиями, так и финансовый орган, выступающий ответчиком в споре о взыскании убытков, по существу являются представителями государства или муниципального образо-

вания при реализации соответствующих публично-правовых функций.

Как указал Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 25 февраля 2009 г.⁵, стороной в обязательствах по возмещению вреда, предусмотренных ст. 1069 ГК РФ, является государство в лице финансового органа.

Возложение же на истца в деле о взыскании убытков обязанности заново доказывать противоправный характер действий (бездействия) причинителя вреда, ранее уже установленный в деле об оспаривании ненормативного правового акта, будет противоречить существу положений процессуального законодательства об основаниях освобождения от доказывания.

Таким образом, в судебном процессе о взыскании убытков решение суда о признании ненормативного правового акта незаконным будет носить преюдициальный характер в вопросе доказывания двух элементов состава деликта:

- неправомерности действий (бездействия) причинителя вреда;
- вины причинителя вреда.

При этом вина причинителя вреда предполагается, так как в гражданском праве установлена презумпция вины правонарушителя, который должен доказать отсутствие своей вины в правонарушении (п. 2 ст. 410 и п. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, абз. 4 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»), т.е. принятие им всех мер по его предотвращению, установленных исходя из применимого стандарта поведения. Поскольку причинитель предполагается виновным, потерпевший от правонарушения не обязан доказывать вину нарушителя, а последний сам должен доказать ее отсутствие для освобождения от ответственности⁶.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы III–VII: постатейный научно-практический комментарий / В.А. Баранов, О.Н. Белоусов, А.Н. Береснев и др.; под общ. ред. В.А. Гуреева; науч. ред. В.В. Гушин. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. III–IV. 576 с.

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 25 февраля 2009 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2008 года». URL: <http://www.vsrfg.ru/documents/practice/15078/>

⁶ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.

Установление самого факта противоправного характера действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, безусловно, свидетельствует о вине соответствующего органа.

Отсутствие же судебного решения, установившего противоправный характер действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, не исключает возможности заявления требования о взыскании убытков с причинителя вреда.

Как разъяснил в своем Информационном письме Президиум ВАС РФ, тот факт, что ненормативный правовой акт не был признан в судебном порядке недействительным, а решение или действия (бездействия) государственного органа — незаконными, сам по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда (п. 4)⁷.

Верховный Суд РФ подтвердил указанную правовую позицию и дополнительно указал, что право выбора порядка защиты

своих нарушенных прав принадлежит субъекту предпринимательской деятельности — это может быть как сочетание нескольких способов защиты своего субъективного гражданского права: оспаривание правоприменительного акта и предъявление требования о возмещении вреда по основанию незаконности такого акта, так и непосредственное предъявление иска о взыскании убытков, причиненных в результате принятия незаконного ненормативного правового акта⁸.

Предварительное оспаривание ненормативного правового акта, в результате принятия которого истцу были причинены убытки, в самостоятельном процессе не является обязательным для последующего взыскания убытков с органа, наделенного публичными полномочиями, должностного лица, принявшими такой акт, но наличие вступившего в законную силу решения суда о признании незаконными действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти существенным образом сужает предмет доказывания истца при заявлении требований о взыскании убытков с публично-правового образования, исключая из него необходимость установления противоправного характера действий (бездействия) причинителя вреда, а у ответчика отсутствует возможность опровергнуть указанные обстоятельства.

⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы III–VII : постатейный научно-практический комментарий / В.А. Баранов, О.Н. Белоусов, А.Н. Береснев [и др.] ; под общей редакцией В.А. Гуреева ; научный редактор В.В. Гушин. Москва : Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. III–IV. 576 с.
2. Карелина С.А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) / С.А. Карелина // Приложение к журналу Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 16–22.
3. Решетникова И.В. Преюдиция и бремя доказывания в современном арбитражном процессе / И.В. Решетникова // Закон. 2018. № 4. С. 30–38.
4. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник для студентов вузов / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2011. 958 с.

Хотько**Алексей Владимирович,**

юрисконсульт общества
с ограниченной ответственностью
Агротипцентрпредприятие
«Черкесское — птицекомбинат
Черкесский»,
кандидат юридических наук
9631703003@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-47-51

Условия охраноспособности географических названий в товарных знаках (знаках обслуживания): исследование административной и судебной практики

Исследование автором административной практики Роспатента и практики Суда по интеллектуальным правам выявило такие условия охраноспособности географических названий в товарных знаках (знаках обслуживания), как свойственная различительная способность (фантазийность), обусловленная малоизвестностью либо смысловой неотнесенностью к любым товарам и услугам, и различительная способность, приобретенная в результате использования.

В отсутствие специального нормативного запрета на государственную регистрацию географических названий как таковых в качестве товарных знаков при оценке охраноспособности обозначения на соответствие п. 1 и 3 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ фантазийность содержащегося в товарном знаке географического названия презюмируется, если не доказан его описательный характер.

С учетом общественных интересов, связанных с использованием географических названий, доказывание описательности такого обозначения проводится по вероятностному критерию, напротив, доказывание его различительной способности, приобретенной в результате использования, проводится по критерию достоверности.

Установленная правоприменителями общеизвестность географического названия и очевидность, правдоподобность, потенциальная возможность или вероятность восприятия потребителем такого обозначения в качестве указания на место происхождения товара, а также доминирование в комбинированном обозначении географического названия, признанного описательным элементом, препятствуют государственной регистрации или сохранению правовой охраны товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, географическое название, топоним, место происхождения товаров, различительная способность, стандарт доказывания.

Интерес предпринимателей к регистрации товарных знаков (знаков обслуживания) с географическими названиями объясняется желанием получить легальную монополию¹ на средство индивидуализации с максимальной различительной способностью в целях повышения привлекательности своих товаров и услуг на региональном и российском рынке.

Географические названия (топонимы) присваиваются географическим объектам, характеризующимся определенным местоположением, и служат для их отличия и распознавания². Из множества наименований географических объектов наибольшим

интересом у предпринимателей в целях регистрации товарных знаков пользуются названия административно-территориальных образований и населенных пунктов: стран, административных и географических регионов и районов, городов и малых населенных пунктов.

Охраноспособность географических названий является дискуссионной, и вопросы, связанные с использованием географических названий при регистрации товарных знаков, активно обсуждаются в юридическом сообществе³.

фических объектов» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5718; Российская газета. 1997. 24 декабря.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2004 г. № 171-О // СПС «КонсультантПлюс».

² Статья 1 Федерального закона от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях геогра-

³ Протокол заседания Научно-консультативного совета Суда по интеллектуальным правам от 31 января 2018 г. № 18 // СПС «КонсультантПлюс»; Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. «Откуда дровишки?», или Риски монополизации топо-

В отсутствие специального нормативного запрета на регистрацию географических названий как таковых в качестве товарных знаков при проверке товарного знака или обозначения, заявленного на регистрацию в качестве товарного знака, включающего географическое название, на соответствие закону применяются общие подходы.

По общему правилу не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов, характеризующих товары, в том числе указывающих на место их производства или сбыта, а также представляющих собой или содержащих элементы, являющиеся способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя, в частности указания на место производства или сбыта товара и нахождения изготовителя (место происхождения товара). Элементы, характеризующие товары, могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующего положения. Охраноспособными являются обозначения, которые приобрели различительную способность в результате их использования⁴.

Роспатентом сформулирован и используется общий методологический подход, который применяется при экспертизе заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, включающих

географические названия⁵. Оценка охраноспособности каждого из обозначений осуществляется самостоятельно на основании фактических обстоятельств конкретного дела. При последующей проверке административных актов Роспатента на соответствие закону Суд по интеллектуальным правам уточняет и дополняет концепцию Роспатента, формулирует собственные правовые позиции.

Обозначения, состоящие частично или полностью из географических названий, которые могут быть восприняты как указания на место происхождения товара, Роспатент относит к описательным — прямо описывающим товар. Обозначениям, состоящим только из описательных элементов, не предоставляется правовая охрана, а производителям — исключительное право на их использование, так как у любого лица может возникнуть необходимость использовать в хозяйственном обороте обозначения, которые описывают товар. Комбинированные обозначения относятся к описательным и в том случае, если они содержат доминирующие описательные элементы.

Если заявленное обозначение включает недоминирующие описательные элементы, Роспатент оценивает его различительную способность в целом, без разделения на составные части. Заявленному обозначению, которое обладает различительной способностью, но при этом включает недоминирующие описательные элементы (вошедшие во всеобщее употребление), может быть предоставлена правовая охрана при условии указания описательных элементов в качестве неохраняемых. Признание описательного элемента доминирующим (несущим основную индивидуализирующую функцию) на стадии рассмотрения возражения влечет прекращение правовой охраны товарного знака как не соответствующего требованиям закона⁶.

Для установления (подтверждения) того, что элемент, в частности географическое название, является описательным,

нимов // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 37–41; Ламбина В.С. Некоторые вопросы, связанные с использованием географических названий в обозначениях, регистрируемых в качестве товарных знаков // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 35–41; Харитонова Ю.С. Географические объекты в интеллектуальной собственности: проблемы судебной и антимонопольной практики // Юрист. 2015. № 18. С. 10–16.

⁴ Пункты 1, 1.1 и 3 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ (часть 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Парламентская газета. 2006. 21 декабря; Российская газета. 2006. 22 декабря; СЗ РФ. 2006. № 52 (часть 1). Ст. 5496; Пункты 34, 35, 37 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (утв. Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.08.2015 г.

⁵ Пункты 2.2, 2.4, 2.11, 3.3 Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений (утв. Приказом Роспатента от 23.03.2001 № 39) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20 декабря 2019 г. по делу № СИП-735/2018 «Из Тураково» // СПС «КонсультантПлюс». (Далее Суд по интеллектуальным правам — СИП.)

Роспатент использует любую информацию, касающуюся семантики анализируемого словесного элемента: энциклопедии, географические указатели, справочники, толковые и другие словари, сведения, полученные из баз данных, сети Интернет.

Однако, по мнению Суда по интеллектуальным правам, само по себе упоминание того или иного географического названия в источниках информации, в том числе в сети Интернет, не свидетельствует о его известности потребителю товаров, маркированных соответствующим обозначением, и о восприятии потребителями такого обозначения, как географическое название⁷. Вместе с тем доказательством широкой известности географического наименования российскому потребителю может служить насыщенность сети Интернет информацией о географическом объекте и его достопримечательностях⁸.

Этимология и семантика обозначений, включающих географические названия, имеют ключевое значение при определении различительной способности таких обозначений. Например, с учетом семантики одно обозначение, представляющее собой прилагательное, образованное от географического наименования региона или известного крупного российского города, может восприниматься как указывающее на место происхождения товаров⁹, а другое аналогичное обозначение в целом может быть признано не являющимся прямым указанием на место производства товаров и их свойства¹⁰.

В одном случае отсутствие лексических значений у словесных элементов, лишь

созвучных названию иной страны, позволяет Роспатенту прийти к выводу об их фантазийности¹¹, а в другом сходном случае регистрация обозначения, созвучного с широко распространенным топонимом, не позволяет говорить о заявленном обозначении как об оригинальном и фантазийном¹².

Обозначения, вызывающие в сознании потребителя представление о производимых товарах через ассоциации, дополнительные рассуждения, домысливания, не являются описательными, и им может быть предоставлена правовая охрана. При восприятии заявленного обозначения Роспатент учитывает наиболее знакомое и очевидное значение заявленного обозначения для российского потребителя¹³. Суд по интеллектуальным правам анализирует вероятное восприятие потребителями конкретного обозначения с учетом ассоциативных связей современного российского среднего потребителя¹⁴.

Например, географические названия для обозначения предприятий в сфере услуг могут использоваться для создания определенного образа через умозрительные представления и домысливание, как то: об используемой стилистике интерьера, определенной направленности кухни или ассортимента продаваемых товаров, характерной для того или иного географического объекта, и т.п., то есть являются ассоциативными, которым может быть предоставлена правовая охрана в качестве товарных знаков¹⁵.

⁷ Постановление Президиума СИП от 15 июля 2016 г. по делу № СИП-47/2016 «Арагац» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Президиума СИП от 31 мая 2019 г. по делу № СИП-790/2018 «Мацеста» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Заключение Палаты по патентным спорам от 3 февраля 2017 г. по заявке № 2014733281 «Кавказский»; от 28 ноября 2019 г. по заявке № 2018722435 «Тулский»; от 20 ноября 2019 г. по заявке № 2018712996 «Сыктывкарская»; от 17 января 2020 г. по заявке № 2018728938 «Карельский Продукт» (далее Палата по патентным спорам — ППС); Постановления Президиума СИП от 30 октября 2017 г. по делу № СИП-281/2017 «Кавказский»; от 20 мая 2019 г. по делу № СИП-576/2017 «Свердловское» [пиво] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Заключение ППС от 3 апреля 2019 г. по заявке № 2017710396 «Алтайский эталон»; от 20 февраля 2020 г. по заявке № 2018730004 «Gneva House» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Заключение ППС от 24 октября 2018 г. по свидетельству № 271740 «Германика» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Заключение ППС от 2 июня 2014 г. по заявке № 2012725557 «Село Михайловское» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Заключение ППС от 1 марта 2019 г. по заявке № 2017734626 «Love Moscow» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановления Президиума СИП от 23 марта 2015 г. по делу № СИП-546/2014; от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-547/2014; от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-548/2014; от 1 февраля 2016 г. по делу № СИП-383/2015; от 24 марта 2016 г. по делу № СИП-311/2015; от 1 декабря 2017 г. по делу № СИП-282/2017; от 19 марта 2018 г. по делу № СИП-384/2017; от 23 июля 2018 г. по делу № СИП-627/2017; от 15 августа 2018 г. по делу № СИП-576/2017; от 8 августа 2019 г. по делу № СИП-138/2019; от 21 августа 2019 г. по делу № СИП-98/2019; от 27 декабря 2019 г. по делу № СИП-99/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Заключение ППС от 12 апреля 2018 г. по заявке № 2016716825 «Вкусная Камчатка»; от 13 августа 2018 г. по заявке № 2016739384 «Chicago»;

Географические названия, которые не воспринимаются как указания на конкретное место происхождения товара, воспринимаются как фантазийные практически в отношении любых товаров. Другую группу географических названий составляют те, которые в отношении одних товаров воспринимаются как фантазийные, а в отношении других — как указывающие на место происхождения товара. Третью группу составляют географические названия, которые часто воспринимаются как указания на место происхождения товара, в первую очередь это названия городов.

Потенциальное восприятие потребителем географического названия как указания на место происхождения товара оценивается в отношении конкретных товаров¹⁶, и в отношении конкретных товаров и услуг обозначение может носить фантазийный характер¹⁷.

Географическое название, которое может восприниматься как указание на место происхождения товара, может заявляться в отношении товаров, характеристики которых связаны или не связаны с географическим происхождением. В первом случае географические названия считаются неохранными¹⁸. Во втором случае охраноспособности географических названий зависит от их известности, оцениваемой в том числе с учетом таких сведений о географических объектах, как размер, численность населения, наличие производственных предприятий и др.¹⁹

Известное географическое название признается неохранным, если только заявитель не представил убедительные доказательства того, что потребителем

обозначение воспринимается как товарный знак изготовителя. Роспатент исходит из того, что малоизвестное географическое название вряд ли может быть воспринято как место происхождения товара и ему может быть предоставлена правовая охрана, но и некоторая известность может повлечь утрату им различительной способности (дистинктивности)²⁰. Вместе с тем неопределенность в соотношении географического названия с конкретным географическим объектом не позволяет признать его описательным для конкретных товаров²¹.

Для исключения ложности обозначений, включающих географические названия, правоприменители в первую очередь оценивают, может ли оно в принципе в отношении заявленных товаров восприниматься как указание на место происхождения товара, так как, если географическое название по отношению к заявленному товару является фантазийным обозначением, его нецелесообразно оценивать с точки зрения ложности²².

Географическое название не признается ложным, если оно является названием места происхождения товара²³ и, наоборот, если географическое название не является местом происхождения товара, но может быть так воспринято, оно может быть признано ложным, неохранным, способным ввести в заблуждение²⁴.

В своей практике Суд по интеллектуальным правам исходит из того, что описательность обозначения должна быть доказана сведениями о восприятии спорного обозначения потребителями конкретных товаров как топонима, указывающего на место происхождения товара²⁵.

от 15 марта 2018 г. по заявке № 2015722508 «Pizza New York» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2018 г. № 300-ЭС18-8494 по делу № СИП-384/2017 «масло Алтайского края» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Заключение ППС от 18 сентября 2018 г. по заявке № 2016729577 «Золото Африки»; от 11 февраля 2019 г. по свидетельствам № 505814, 615559 «Мадагаскар» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Решение СИП от 13 апреля 2018 г. по делу № СИП-677/2017 «Кавказ» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Заключение ППС от 2 декабря 2019 г. по заявке № 2017756254 «Альшань»; от 22 декабря 2017 г. по заявке № 2016711332 «Ферма Никола-Ленивец»; от 18 марта 2016 г. по заявке № 2014709926 «Vieux Fort»; Постановление Президиума СИП от 19 марта 2014 г. по делу № СИП-161/2013 «BERGLAND» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Заключение ППС от 7 октября 2019 г. по заявке № 2017746380 «Milano» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Заключение ППС от 9 октября 2015 г. по заявке № 2011738857 «Kaçala»; от 7 декабря 2015 г. по свидетельству № 190471 «Белогорье» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Решение СИП от 9 сентября 2016 г. по делу № СИП-269/2016 «Беверли-Хиллз» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Заключение ППС от 16 января 2018 г. по заявке № 2016713695 «Голубые глаза Байкала» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Решения СИП от 20 ноября 2017 г. по делу № СИП-154/2017, СИП-153/2017 «INDIANA»; Заключение ППС от 11 февраля 2020 г. по заявке № 2019710165 «Владимир-Плаза» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Постановления Президиума СИП от 1 декабря 2017 г. по делу № СИП-282/2017 «LUCCA»;

В настоящее время доказывание описательности обозначения, содержащего географическое название реального географического объекта, основано на исследовании вероятной известности этого обозначения рядовому российскому потребителю и потенциальной возможности восприятия обозначения потребителем в качестве места происхождения товара, что соответствует минимальному стандарту доказывания в гражданском процессе. Применение Судом по интеллектуальным правам вероятностного критерия при установлении описательности такого обозначения представляется полностью оправданным с учетом общественных интересов, связанных с использованием географических названий.

Вероятностный критерий в доказывании-установлении освобождает от фактического подтверждения прямого и однозначного восприятия товарного знака потребителями в любом регионе России в качестве указания на место происхождения товара. Такой минимальный стандарт доказывания позволяет говорить о презумпции фантазийности (свойственной различительной способности) географического названия, если не доказан его описательный характер.

Доказывание приобретенной различительной способности географических названий вполне обоснованно должно проводиться по критерию достоверности с целью сохранения баланса интересов всех участников гражданских правоотношений. Для доказательства приобретения обозначением различительной способности могут быть представлены содержащиеся в соот-

ветствующих документах фактические сведения, подтверждающие, что заявленное обозначение до даты подачи заявки воспринималось потребителем как обозначение, предназначенное для индивидуализации товаров определенного изготовителя.

В делах о регистрации товарных знаков бремя доказывания описательного характера географического названия лежит на Роспатенте или подателе возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, бремя доказывания приобретенной различительной способности географического названия лежит на правообладателе²⁶.

Настоящее исследование административной практики Роспатента и практики Суда по интеллектуальным правам выявило такие условия охраноспособности географических названий в товарных знаках, как фантазийность названий, обусловленная их малоизвестностью либо смысловой неотносимостью к любым товарам и услугам, и различительная способность, приобретенная в результате их использования.

Установленная правоприменителями общеизвестность географического названия и очевидность, правдоподобность, потенциальная возможность или вероятность восприятия потребителем такого обозначения в качестве указания на место происхождения товара, а также доминирование в комбинированном обозначении географического названия, признанного описательным элементом, препятствуют государственной регистрации или сохранению правовой охраны товарного знака.

от 15 августа 2018 г. по делу № СИП-576/2017 «Свердловское» [пиво]; от 20 мая 2019 г. по делу № СИП-576/2017 «Свердловское» [пиво]; от 28 октября 2019 г. по делу № СИП-669/2018 «Свердловское» [сакз] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановления Президиума СИП от 24 марта 2016 г. по делу № СИП-311/2015; от 28 мая 2018 г. по делу № СИП-529/2017; от 11 октября 2018 г. по делу № СИП-22/2017; от 22 апреля 2019 г. по делу № СИП-691/2018; от 2 декабря 2019 г. по делу № СИП-379/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Афанасьева Е.Г. «Откуда дровишки?», или Риски монополизации топонимов / Е.Г. Афанасьева, М.Г. Долгих // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 37–41.
2. Ламбина В.С. Некоторые вопросы, связанные с использованием географических названий в обозначениях, регистрируемых в качестве товарных знаков / В.С. Ламбина // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 35–41.
3. Харитонова Ю.С. Географические объекты в интеллектуальной собственности: проблемы судебной и антимонопольной практики / Ю.С. Харитонова // Юрист. 2015. № 18. С. 10–16.

Фагманова**Эльвина Ильдаровна,**

помощник судьи Арбитражного суда
города Москвы,
аспирант 3-го года обучения факультета
права Национального
исследовательского университета
Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ)
79851126154@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-52-56

Принцип правовой определенности в контексте возобновления дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам

Статья посвящена поиску баланса между необходимостью исправления судебной ошибки в процедуре пересмотра в силу новых и вновь открывшихся обстоятельств, с одной стороны, и обеспечением устойчивости судебного акта — с другой. В исследовании ставится задача найти ту границу между принципом правовой определенности и должной корректировкой ошибочного судебного акта при возобновлении дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, которая позволяет обусловить стабильность правовых отношений именно подтверждением объективной обусловленности и справедливости судебного решения.

Ключевые слова: правоприменение, правовая определенность, судебная ошибка, возобновление дела в силу новых и вновь открывшихся обстоятельств, стабильность судебного акта.

Принцип правовой определенности является одним из важных проявлений верховенства права, необходимым условием, гарантирующим предсказуемость правовых последствий в судебных процедурах для всех участников процесса. Правовая определенность представляется как совокупность идей недвусмысленности правовых норм, стабильности правовых отношений, что отражается в судебных решениях, вынесенных на основании адекватного понимания принципов правосудия, а также предсказуемости и неизменности их правовых последствий.

В то же время любой правовой принцип, возведенный в абсолют, используемый в отрыве от других фундаментальных принципов права, вступает с ними в противоречие, обязывая искать необходимый баланс. В судебном правоприменении поиску этого баланса помогает достижение основной цели разбирательства — справедливого правосудия. В рамках настоящей статьи исследуется необходимый баланс между принципом правовой определенности и исправлением судебной ошибки в процедуре возобновления производства по делу по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку на первый взгляд эти цели друг другу противоречат.

Процедура пересмотра судебных актов обеспечивает правосудное изменение принятого и вступившего в законную силу

решения суда ввиду совершения судебной ошибки¹, в связи с чем возникает вопрос: нет ли здесь нарушения принципа правовой определенности, тем более, когда судебный акт уже исполнен? Ответ на данный вопрос представляется возможным искать в следующем тезисе, сформулированном Конституционным Судом РФ: «...акт суда, который уже вступил в законную силу, может быть изменен или отменен в порядке надзора лишь в исключительных случаях, когда в результате ошибки, допущенной в ходе предыдущего разбирательства и предопределившей исход дела, существенно нарушены права и законные интересы, защищаемые в судебном порядке, которые не могут быть восстановлены без устранения или изменения ошибочного судебного акта»². Как точно отмечает А.Р. Султанов,

¹ В рамках исследуемой темы под судебными ошибками понимается такая судебная ошибка, которая возникала в связи с появлением иного толкования высшего суда, и нарушающая права заявителя, без исправления которой в процедуре возобновления производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам восстановление прав заявителя, справедливости не представляется возможным. Таким образом, в данной статье в соответствии с ее темой само понятие ограничивается только теми недостатками судебного акта, которые исправляются в стадии возобновления производства по делу.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке

недопустимо оставление в силе судебного акта, в котором выявлена существенно нарушающая права и свободы судебная ошибка, поскольку «неправовая определенность» подрывает доверие к суду и в конечном итоге к государству³.

Судебные ошибки, которые являются причиной для пересмотра судебных актов, в процедуре возобновления производства в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, можно условно разделить на две категории: судебные ошибки, выраженные в дефектах при установлении фактов (искажение факта, его неизвестность суду, участникам дела или его неподтвержденность), и ошибки, выраженные в неверном понимании судом норм права, которые впоследствии явились предметом толкования высших судов, Европейского суда по правам человека. Безусловно, исправление судебных ошибок является неперемным механизмом, используемым в целях достижения идеала — правосудного судебного решения. При этом механизмы пересмотра судебных актов процедурно могут значительно различаться между собой в зависимости от оснований.

Институт возобновления производства по делу по новым и вновь открывшимся обстоятельствам занимает особое, отдельное, универсальное по кругу возможных оснований и по существу резервное место в механизме пересмотра судебных актов⁴. Важное предназначение института возобновления производства проявляется применительно к корректировке неверных социально значимых решений, в таком случае говорить о приоритете правовой определенности ошибочно вынесенного судебного акта было бы так же несправедливо, как и продолжать применять ради сохранения стабильности правоотношений закон, признанный противоречащим конституции.

конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан // Российская газета. 2007. 14 февраля.

³ Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 58–61.

⁴ В данной процедуре могут решаться как вопросы факта, так и вопросы права.

Из изложенного следует, что исправление судебной ошибки является необходимой предпосылкой правосудности окончательного судебного акта, а значит, и справедливого судебного решения. Важной составляющей является и необходимость обеспечения правовой определенности, стабильности вынесенного судебного акта (если он соответствует критерию правосудности). Повторное рассмотрение дела должно одновременно преследовать две цели: 1) приведение ошибочного судебного в соответствие с принципом справедливости, доведение судебного акта до совершенства с точки зрения применимого права, логики, оценки фактов; 2) оставление в силе справедливого судебного акта, вынесенного в соответствии с действующими принципами права, основанного на верном оценивании представленных доказательств и толковании. Механизм возобновления дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам помогает суду оценить необходимость отмены судебного акта, поскольку законодателем емко сформулирована норма о необходимости пересмотра такого судебного акта, в котором отсутствующее на момент его принятия доказательство существенно повлияло на результат рассмотрения дела. Из этого следует однозначный вывод о том, что любое доказательство, которое пусть и легло в основу принятого судебного акта, но не повлияло на выводы суда, оценку других доказательств в их совокупности или появление нового документа, необязательно свидетельствует о необходимости отмены судебного акта. В этом, как представляется, также выражено действие судопроизводственного принципа *res judicata*, намерение законодателя обеспечить устойчивость судебного акта, если при этом не нарушается принцип справедливости, равенства. Указанное подтверждается правовым регулированием не только на национальном, но также и на международном уровне, в том числе через судебное толкование ЕСПЧ.

Нормы международного права регионального европейского уровня наравне с нормами национального законодательства предусматривают возможность повторного рассмотрения дела, ограничивая основания для такого пересмотра. Статьей 4 протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрена, например, возможность повторного рассмотрения дела, если имеются

сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела, и причиненный ими ущерб не может быть возмещен без исправления судебной ошибки и отмены судебного акта⁵. Это положение, выработанное для уголовного судопроизводства, было перенесено и в сферу гражданских правоотношений. Однако в странах, ратифицировавших конвенцию и протоколы к ней, оно работает совершенно по-разному.

Применительно к позиции ЕСПЧ пределы такого пересмотра судебных актов должны быть ограничены необходимостью исправления судебной ошибки или фундаментальных нарушений, которые повлияли на исход дела. При этом необходимо признать, что оценка существенности нарушений и их влияния на исход дела во многих случаях не может не зависеть от судьейского усмотрения. Напротив, п. 4 ст. 311 АПК РФ, явившийся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, предусматривающий в качестве повода для возобновления дела отмену судебного или иного акта, положенного в основу решения суда, обязывает во всяком случае пересмотреть дело в связи с изменившейся правовой позицией высшего суда, если только она, по аналогии с законом, не имеет обратной силы (например, лишает собственности или усиливает ответственность).

Не подлежит сомнению, что пересмотр ошибочного судебного акта национального суда по новым обстоятельствам, предусмотренным п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ (т.е. из-за установленного ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека), имеет столь существенное значение в исправлении судебной ошибки, что принцип правовой определенности в таких случаях не применим как нарушающий баланс основополагающих принципов судопроизводства.

В дополнение к этому Т.М. Алексеева предлагает выделить ряд подлежащих оценке критериев, которые должны принимать-

ся во внимание для возобновления процедуры пересмотра, в том числе: кто является инициатором; каковы возможные последствия возобновления производства по делу и основания отмены судебного акта, а также потенциальная эффективность процедуры возобновления производства по делу, включая ответ на вопрос: обеспечивает ли процедура такого возобновления справедливость всего судебного процесса⁶, в том числе на фоне возможности исправления негативных последствий вынесенного судебного акта без его отмены. Эффективное средство правовой защиты предполагает «достаточные меры для восстановления права, которые могут быть предприняты»⁷, что не обязательно влечет за собой отмену судебного акта, содержащего судебную ошибку. Этим частично снималась бы и проблема нарушения принципа правовой определенности в связи с возобновлением производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Вместе с тем принцип правовой определенности при использовании института пересмотра судебного акта по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, по сути, нарушается, если скрытой целью пересмотра является завуалированное обжалование⁸ с целью изменить судебное решение, а также скорректировать выводы суда.

Согласно позиции ЕСПЧ, преодолимость правовой определенности имеет особую ценность в случаях, когда изменение правовой позиции (нормотворца или суда) является основанием состоявшегося

⁶ Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁷ ЕСПЧ в своем Постановлении «Праведная против Российской Федерации» указал, что «процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам схожа с подобными процедурами, существующими в других правовых системах многих стран — членов Совета Европы, и сама по себе не противоречит принципу правовой определенности, если используется для исправления судебных ошибок»; «отступление... от принципа правовой определенности оправдано, только если это необходимо в силу существенных и неодолимых обстоятельств». См.: Постановление Европейского суда по правам человека («Брумареску против Румынии») // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Европейского суда по делу от 24 июля 2003 г. «Рябых против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Европейская конвенция по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

уже улучшения положения приобретателя имущества прав.

Случаи изменения судебного акта по основанию формирования новой позиции направлены на придание нового судебного толкования существующему правовому регулированию, что обеспечивает его адекватность, актуальность в сложившихся правоотношениях. Однако позиция высшего суда в большей мере обеспечивает правильность и единообразие в толковании права судом той инстанции, которая в силу закона обязана пересмотреть судебный акт в процедуре возобновления производства по делу в силу новых обстоятельств. Хотя необходимость актуального судебного толкования не подлежит сомнению и является необходимым механизмом в условиях меняющихся отношений, временных и иных издержек корректировки нормативной базы, однако процедура принятия постановлений, ориентирующих судебную практику, высшим судом для дальнейшего судебного применения содержит ряд перекосов в системе сдержек и противовесов, в том числе внутри самой судебной системы. Порядок вынесения постановления, регламент работы Верховного Суда РФ не могут сравниться со строгим механизмом принятия законов, при этом его постановления не подлежат обжалованию⁹. Кроме того, принудительное (по указанию высшего суда) возобновление производства дела по новым обстоятельствам в связи с изменением правовой позиции высшего суда является не самым тактичным методом для судей низших инстанций, поскольку внутреннее убеждение судьи в этом случае может не поменяться, правовая позиция будет воспринята с внутренним противоречием¹⁰.

Если судом был верно выявлен смысл правовой нормы, которая применена в деле, а позднее ввиду необходимости развития позиция высшего суда относительно прежнего толкования изменилась и судебный акт по конкретному делу был отменен, то соблюдение в данном случае принципа правовой определенности внешне сомнительно. Скорее же она не имеет отношения к этому анализу, так как иначе и развитие

законодательства может считаться нарушением правовой определенности. Последняя должна пониматься как невозможность отступления от принципиальных положений, а не как запрет развивать практику в соответствии с ними.

В то же время ведь известно, в какой степени любой отмененный судебный акт воспринимается в российской судебной системе как дающий основание для критики судьи за допущенную ошибку, поскольку провозглашение законом неответственности судьи за существование решения по делу (относящееся, как известно, к судебским иммунитетам) в России судьям не гарантируется. В действительности любая отмена судебного акта имеет отрицательные последствия для судьи, особенно когда это касается его карьерного роста. В такой ситуации отмена судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судом, которым и был принят судебный акт, — менее опасная процедура для российских судей, поскольку такие коррективы статистически не могут учитываться как негативная характеристика самого судьи, что, по крайней мере, не мотивирует суд оставить предыдущий судебный акт неизменным¹¹.

Таким образом, соблюдение принципа правовой определенности, а следовательно, обеспечение стабильности правоотношений, неизменности судебного акта, основанного на выявленном правовом смысле применимого права, должно быть безусловным. При этом корректировка неправосудных судебных актов в установленных правовым законом процедурах в случаях, когда без этого не может быть обеспечено восстановление в нарушенных правах и компенсация ущерба, причиненного неверным судебным актом, в том числе подлежащим в процедуре возобновления производства по делу по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, не может рассматриваться как несовместимая с требованием правовой определенности. Напротив, последняя достижима только при обеспечении правосудности актов правоприменения в системе их инстанционной проверки.

Обеспечение единообразия судебной практики путем толкования права высшими судами как один из способов право-

⁹ Фагманова Э.И. Подходы к пониманию категории «единообразие судебной практики» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 31.

¹⁰ Представляется, что наиболее подходящим способом решить данную проблему было бы изменение состава суда.

¹¹ Например, исходя из данных сводных статистических сведений о деятельности федеральных арбитражных судов за 2019 г.

вой определенности в правоотношениях, безусловно, направлено на исправление фундаментальных судебных ошибок, даже в уже вступившем в силу судебном акте. При этом сама процедура возобновления дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам на фоне международно-правового регулирования, содержащегося в ст. 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, определяет представление о границах устойчивости судебного акта, очерчивая корректное понимание судебной ошибки.

Никакая иная цель данной процедуры, кроме исправления судебной ошибки, связанной с повлиявшим на результат рассмотрения дела фундаментальным нарушением, последствия которого не устранимы

без пересмотра судебного акта, не может быть признана обеспечивающей достижение подлинной правовой определенности. Составной частью ее гарантий выступают и экстраординарные механизмы пересмотра судебных актов в связи с новыми и вновь открывшимися обстоятельствами, и эта особая процедура пересмотра в контексте принципов справедливого правосудия не может оцениваться в дихотомии (т.е. как находящаяся в неизбежном противоречии) с правовой определенностью. В то же время не исключается, а, напротив, предполагается необходимое развитие данной процедуры в качестве эффективного средства правовой защиты как гарантирующего ее объективность, независимость, а также предсказуемость и обязательность ее результатов.

Литература

1. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : диссертация кандидата юридических наук / Т.М. Алексеева. Москва, 2015. 263 с.
2. Верещагин А.Н. О значении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П для судебной системы России / А.Н. Верещагин // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 3. С. 183–197.
3. Громошина Н.А. О независимости судей и новых основаниях пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам / Н.А. Громошина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 10–14.
4. Лукьянова И.Н. Влияние позиций Европейского суда по правам человека на развитие российского гражданского судопроизводства (немного о значительном вкладе В.А. Туманова) / И.Н. Лукьянова // Служение праву: памяти профессора В.А. Туманова посвящается : сборник статей / под редакцией Д.А. Туманова, М.В. Захаровой. Москва, Проспект, 2017. С. 378–386.
5. Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права / Л.А. Морозова // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 250–256.
6. Нешатаева Т.Н. Обсуждаем статью 304 нового АПК РФ / Т.Н. Нешатаева // Арбитражная практика. 2003. № 5 (26). С. 51–62.
7. Пересмотр судебных актов в гражданском, арбитражном и уголовном процессе : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Т.Г. Моршакова [и др.] ; под редакцией Т.Г. Моршаковой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2017. 385 с.
8. Слепченко Е.В. Проверка судебных актов по гражданским делам в порядке надзора / Е.В. Слепченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 4. С. 54–60.
9. Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность / А.Р. Султанов // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 58–61.
10. Толчеев Н.К. Подготовка гражданских дел к разбирательству в судах общей юрисдикции : практическое пособие / Н.К. Толчеев, Б.А. Горохов, А.Ф. Ефимов ; под редакцией Н.К. Толчеева. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
11. Толчеев Н.К. Подготовка гражданских дел к разбирательству в судах общей юрисдикции : практическое пособие / Н.К. Толчеев, Б.А. Горохов, А.Ф. Ефимов ; под редакцией Н.К. Толчеева. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
12. Фагманова Э.И. Подходы к пониманию категории «единообразия судебной практики» / Э.И. Фагманова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 28–32.

**Архиереев
Николай Викторович,**
заместитель председателя
Арбитражного суда
Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук
nick.mr@rambler.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-8-57-60

К вопросу о возможности отмены судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в части

Одним из спорных вопросов, возникающих в арбитражной практике, является возможность отмены судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. В данной статье анализируются различные подходы к решению этого вопроса.

Сделан вывод, что действующее процессуальное законодательство не содержит четкого запрета, а это значит, что суд, используя судебское усмотрение, вправе отменить собственный судебный акт.

Ключевые слова: арбитражная практика, новые и вновь открывшиеся обстоятельства, судебный акт, пересмотр, правомочия.

Как справедливо указывает М.Л. Скуратовский, рассмотрение судом спора и вынесение решения представляют трудоемкий юридический процесс, отражающий сложные, порой запутанные общественные отношения¹. И, конечно же, возможны случаи, когда, принимая окончательный судебный акт, суд не учитывает некоторые обстоятельства, как существовавшие, так и возникшие после принятия судебного акта, что тем не менее судебной ошибкой не является.

С учетом этого российское процессуальное законодательство дает возможность суду пересмотреть собственные судебные акты.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее — АПК РФ) 1992 г. предусматривал возможность пересмотра судом принятого им решение по вновь открывшимся обстоятельствам, под которыми понимались обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю в момент обращения его в арбитражный суд, но имеют существенное значение для дела².

Согласно ст. 146 АПК РФ по результатам пересмотра суд должен был вынести решение или постановление при изменении или отмене решения или определение, при оставлении решения в силе.

В АПК РФ 1995 г. появились основания для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве итогового документа рассмотрения заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта было названо только определение, которое выносится во всех случаях³.

С принятием в 2002 г. нового АПК РФ и в дальнейшем процедура пересмотра судебных актов стала усложняться — расширялись основания для пересмотра, появились требования к заявлению, появилась возможность пересмотра по новым обстоятельствам и т.д.⁴

Но на протяжении всех этих лет АПК РФ предусматривал, что при наличии соответствующих оснований пересматриваемый судебный акт подлежит отмене только в полном объеме.

В п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении

¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др. ; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020. 1071 с.

² Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 5 марта 1992 г. № 2447-1 (с изм. от 07.07.1993) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (с изм. от 14.01.2000) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельства, которые согласно п. 1 ст. 311 АПК РФ являются основаниями для пересмотра судебного акта, должны быть существенными, то есть способными повлиять на выводы суда при принятии судебного акта.

При рассмотрении заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам суд должен установить, свидетельствуют ли факты, приведенные заявителем, о наличии существенных для дела обстоятельств, которые не были предметом судебного разбирательства по данному делу⁵.

На практике возникают ситуации, при которых отмена судебного акта в полном объеме может привести к нарушению прав других участников судебного разбирательства, а также самого заявителя.

Например, когда истцом были заявлен ряд требований, обусловленных неисполнением нескольких договоров. При этом один из договоров в последующем признан недействительным. Либо в деле рассматривалось сразу несколько самостоятельных требований, и только по одному из них появилось основание для пересмотра судебного акта. Подобные моменты возникают довольно часто при рассмотрении гражданских, налоговых и банкротных дел.

В соответствии со ст. 130 АПК РФ истец вправе соединить в одном заявлении несколько требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам. Арбитражный суд первой инстанции вправе объединить несколько однородных дел, в которых участвуют одни и те же лица, в одно производство для совместного рассмотрения.

В силу ст. 132 АПК РФ ответчик вправе подать встречный иск, который принимается в случае, если:

1) встречное требование направлено к зачету первоначального требования;

2) удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска;

3) между встречным и первоначальными исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела.

Как мы видим, особенно в последнем случае, отмена решения в части первоначального иска совсем не обязательно влияет на отмену решения в части встречного иска. А если и повлияет, то возможно на размер судебного зачета (ст. 170 АПК РФ).

Возникает вопрос: как поступить суду, когда для всех, включая участников процесса, очевидно, что основания для отмены всего судебного акта отсутствуют, либо когда сам заявитель просит отменить судебный акт в части?

Возможно ли применение положений АПК РФ по аналогии, в частности, закрепляющих правомочия вышестоящих судов отменить или изменить судебные акты нижестоящих инстанций полностью или в части?

Ответить на эти вопросы можно по-разному.

Однако ни АПК РФ, ни разъяснения высших судов не предусматривают возможность отмены судом собственного акта в какой-либо части. Однако нет и однозначного запрета. С учетом этого судебная практика весьма противоречива.

Одни суды отрицают возможность отмены судебного акта в части (Постановление ФАС Уральского округа от 05.02.2013 № Ф09-3131/10 по делу № А07-18765/2008, Постановление ФАС Московского округа от 23.04.2012 по делу № А40-159699/09-133-609, Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2019 № 06АП-2099/2019 по делу № А73-3545/2018⁶, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2019 № 14АП-4408/2019 по

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» (ред. от 20.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/465d2ac7-9ae8-44a1-9b87-5b1a3f45aab2/7933c08e-d978-4fba-bdd4-7e0b51bd00bb/A73-3545-2018_20190524_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 08.06.2020).

делу № А13-10654/2016⁷, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2017 по делу № А05-5146/2016⁸, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2015 № 18АП-11962/2015 по делу № А07-2658/2011, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2014 № 18АП-6493/2014 по делу № А07-13272/2011⁹).

Другие же суды это вполне допускают (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.02.2020 № 306-ЭС19-19051 по делу № А65-7195/2017, Определение ВАС РФ от 22.04.2013 № ВАС-2519/13 по делу № А65-15879/2011, Определение ВАС РФ от 16.06.2014 № ВАС-13962/13 по делу № А12-29848/2012, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.03.2020 № Ф06-45875/2019 по делу № А65-32877/2018, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.03.2019 № Ф05-1951/2019 по делу № А40-108370/2015, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2018 № Ф05-4891/2016 по делу № А41-76549/2015, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.01.2015 № Ф09-3994/10 по делу № А07-15993/09, Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22.02.2012 по делу № А33-2440/2011, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.04.2019 № С01-1061/2017 по делу № А14-18374/2016¹⁰).

В пользу второй позиции можно привести один из тезисов Определения Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2016 г. № 2571-О, а именно: «...суд, отменяя по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебный акт в части одного

из нескольких требований, объединенных ранее судом для совместного рассмотрения в соответствии с предоставленным ему положениями статьи 130 АПК Российской Федерации полномочием, не определяет произвольно пределы нового рассмотрения дела, поскольку в неотмененной части этот судебный акт сохраняет свою законную силу и пересмотру не подлежит (выделено мной. — *Н.А.*). Такие пределы в соответствии с принципом диспозитивности определяются самим лицом, обратившимся в суд с соответствующим заявлением, в котором на основании предписаний пункта 4 части 2 статьи 313 АПК Российской Федерации должны быть указаны требования этого лица и новое или вновь открывшееся обстоятельство, предусмотренное статьей 311 данного Кодекса, являющееся основанием для пересмотра судебного акта»¹¹.

Выделенный абзац позволяет сделать однозначный вывод о праве суда пересмотреть судебный акт только в части заявленных требований.

Подобная судебная практика вызывает необходимость внести изменения в процессуальное законодательство или дать действующей процессуальной норме (ч. 1 ст. 317 АПК РФ) такое толкование, которое будет логичным, понятным, законным и не приводящим к нарушениям прав лиц, участвующих в деле.

Представляется, что суд все же может отменить собственный судебный акт в части, если усмотрит для этого правовые основания и при наличии обстоятельств, предусмотренных в ст. 311 АПК РФ. Это будет проявлением судебной дискреции, то есть совершение процессуальных действий, исходя из собственного вывода о соответствии их задач правосудия¹².

⁷ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7c6ebb74-8ee0-48b2-9633-49f845a8986c/ed88b263-d460-41ef-91a3-dcb6c80a016b/A13-10654-2016_20190703_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.06.2020).

⁸ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a5410bac-aa59-4c0d-8c97-ae90e90c8580/b1b785b4-781d-4228-b534-26899c007c26/A05-5146-2016_20170601_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.06.2020).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2016 г. № 2571-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чистякова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 69 и частями 1 и 2 статьи 317 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Щепалов С.В. Руководящие разъяснения Верховного Суда России о дискреции суда в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 32–35.

Тем более что подобное решение суда может быть обжаловано и пройти проверку со стороны вышестоящих инстанций.

Одним из плюсов такого подхода является оптимизация судебного процесса, ускорение рассмотрения дела, ведь в ином случае суду необходимо пересмотреть все дело. При том, что фактические обстоятельства могут измениться кардинально (спорное имущество многократно перепродано или уничтожено, требования переуступлены, задолженность погашена или появиться новая, лица, участвующие в деле, ликвидированы и т.д.). При отмене судебного акта в полном объеме у всех лиц, участвующих в деле, появляется возможность представлять доказательства, предъявлять встречные иски по всем рассматриваемым требованиям, что многократно усложнит и без того запутанные отношения, появляется повод к злоупотреблению правом.

Кроме того, отменяя решение полностью, судья отменяет и ту часть, в отно-

шении которой отсутствуют какие-либо новые или вновь открывшиеся обстоятельства, лишая его на некоторое неопределенное время свойства преюдициальности и исполнимости.

Для объективности стоит назвать и отрицательные моменты отмены судебного акта в части. Это риск того, что в ходе повторного рассмотрения суд выявит связь между требованиями при причине представления новых доказательств, дополнительных доводов, в результате уточнения исковых требований. По собственной инициативе, без заявления заинтересованных лиц, суд лишен возможности что-либо отменить. Однако в подобной ситуации, возможно, следует говорить о требованиях, которые должны рассматриваться уже в другом деле.

Надеемся, что тема, затронутая в этом исследовании, вызовет научные дискуссии, поможет ученым-процессуалистам выработать рекомендации правоприменителям.

Литература

1. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Статут, 2020. 1071 с.
2. Щепалов С.В. Руководящие разъяснения Верховного Суда России о дискреции суда в административном судопроизводстве / С.В. Щепалов // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 32–35.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCEPRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 8/2020

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035.
E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;
Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru
Passed for printing: 20.07.2020.
Issue was published: 29.07.2020.
ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.
General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 **Chupilin D.A.** Social Disputes in a Civil Procedure:
On the Issue of Concept

9 **Komaritskiy S.I.** Stages, Functions and Tasks
of Commercial Courts

14 **Khislamov A.Kh., Shakiryaynov R.V.**
The Informatization of Law Enforcement
as a Factor of the Improvement of Summary
Proceedings Mechanisms in a Civil Procedure

21 **Gavryushov N.E.** Comparative Characteristics
of the Legal Position of Government Authorities
in Administrative and Civil Proceedings

26 **Bekyasheva D.I.** A Notification on the Delivery
of Procedural Papers to a Defendant in Civil
Proceedings

31 **Kuznetsova E.Kh.** A Legal Cost Distribution
Agreement in Civil Proceedings

35 **Degtyarev S.L., Boyarskiy D.A.** Negotiations
as a Reconciliatory Procedure

39 **Podshivalov T.P.** The Correlation Between
a Claim for the Acknowledgment of a Proprietary
Right Absent and Other Means of Protection

43 **Bogdanov A.V.** Some Aspects of Prejudice
in an Arbitration Procedure in the Collection
of Losses Having Arisen as a Result of Unlawful
Actions of Authorities Exercising Public Powers

47 **Khotko A.V.** Conditions of the Protectability
of Geographical Names in Trademarks (Service
Marks): Research on Administrative and Judicial
Practice

ROUND TABLE

52 **Fagmanova E.I.** The Principle of Legal
Certainty in the Scope of Reopening Cases Under
New and Newly Discovered Evidence

57 **Arkhiereev N.V.** On the Possibility of a Partial
Reversal of a Court Ruling Under New or Newly
Discovered Evidence

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

Social Disputes in a Civil Procedure: On the Issue of Concept**Chupilin Dmitriy A.**

Lecturer of the Department of Civil Procedure and Labor Law of the Law Faculty of the Southern Federal University

The article is devoted to the study of the category of social disputes in the civil process. Revealed the reasons for the need for increased protection of social rights. The concept, legal nature and types of social rights are investigated. The approaches to social law are indicated as an element of the Russian legal system. From a theoretical and practical point of view, the necessity of distinguishing the category of social disputes is justified, the author's concept of social disputes is proposed, their essential features are formulated.

Keywords: social disputes, social rights, social law, civil procedure, administrative proceedings.

Stages, Functions and Tasks of Commercial Courts**Komaritskiy Sergey I.**

Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), PhD (Law), Senior Research Scientist

The article explores the question of legal proceedings tasks in arbitration courts and adequacy of the corresponding statutory wording. Attention is directed to the fact that definition of the tasks outlined in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, on one hand, fail to articulate actual tasks of the arbitration courts, on the other hand, do not represent tasks that are actually set by the legislator, and which would be appropriate to include to the introductory articles of the Code.

Keywords: task, arbitration court, function, stage, justice.

The Informatization of Law Enforcement as a Factor of the Improvement of Summary Proceedings Mechanisms in a Civil Procedure**Khisamov Azat Kh.**

Judge of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan

PhD (Law)

Shakiryayov Rafail V.

Associate Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University

Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorably Discharged Judge of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan, PhD (Law)

The article studies some tendencies of the improvement of civil procedure laws in the scope of the digitization of law enforcement in terms of the improvement of summary proceedings types and their influence on exercising the right to judicial protection. A conclusion is made that elements of the electronic justice mechanism have a direct impact on the facilitation of the violated and challenged right restoration process, which allows referring some areas of informatization of court operations to an independent component of the judicial protection mechanism implemented in summary proceedings types. Singling out the court operation informatization criterion as one of the criteria of the evaluation of the dynamics of judicial protection improvement makes it possible to forecast the opportunity for exercising the right to judicial protection and access to justice in conditions of digital economy.

Keywords: right to judicial protection, summary proceedings types, electronic justice and its elements, judicial protection mechanism and its elements in summary proceedings types.

Comparative Characteristics of the Legal Position of Government Authorities in Administrative and Civil Proceedings**Gavryushov Nikita E.**

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Chelyabinsk State University

The presented article examines various points of view regarding the place and legal status of state bodies in the framework of administrative and civil proceedings. The work also pays attention to the true interests of the participation of state bodies in court.

Keywords: state bodies, administrative proceedings, civil proceedings, public interest, rights and interests of citizens.

A Notification on the Delivery of Procedural Papers to a Defendant in Civil Proceedings**Bekyasheva Dinara I.**

PhD (Law)

In the article, the author analyzes the latest procedural legislative amendments — to notify the defendant and other persons by recorded delivery a copy of the applications instituting proceedings.

New law is compliant with the ongoing judicial reforms goals, aimed at the unification of procedural legislation. However, the analysis of the judicial practice of applying a similar rule, regulated the arbitration

process and administrative legal proceedings, excludes uniform application, reveals the difficulties in legislation enforcement by physical party.

Keywords: civil process, notification of service of procedural documents to the defendant.

A Legal Cost Distribution Agreement in Civil Proceedings

Kuznetsova Ekaterina Kh.

Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure and Bailiff Service Arrangement of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia))

Future trends of procedural agreements application in the present-day civil process have been reviewed in the present paper. Such agreements are hybrid by nature. On the one hand, the conclusion of a procedural agreement being a juridical fact which gives rise to rights and obligations of the parties which have concluded this agreement. In that way, such an agreement is being regulated by civil law. On the other hand, an agreement is being concluded in the framework of a judicial procedure, hence it must be confirmed by an authoritative subject (the court), and without such a confirmation it has no legal effect. In the author's opinion, the public nature of civil procedure law contradicts the concept as to integrate some civil law institutions into civil law judicial proceeding, taking into consideration the specific character of the corresponding legal relations. In the present paper, the author suggests to introduce a new type of agreement into civil legal proceedings of the Russian Federation, namely the agreement on the allocation of court fees.

Keywords: court fees, court fees allocation, the agreement on the court fees allocation, court fee reimbursement, recovery of court fee, legal costs, procedural agreement, agreements in procedural law, an agreement in civil process.

Negotiations as a Reconciliatory Procedure

Degtyarev Sergey L.

Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

LL.D.

Boyarskiy Daniil A.

LL.M., Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Ural State Law University

Partner at Science and Practice Law Firm

This paper presents negotiation as a settlement promotion in civil and arbitral process. It references definition and cause of negotiation, procedure and periods for conducting, authority and active role of judge by the settlement. Authors point, that unfair negotiation is a legal ground of liability for unconscientiously exercise of procession rights.

Keywords: settlement promotion, negotiation, processual revolution, procession rights, good faith.

The Correlation Between a Claim for the Acknowledgment of a Proprietary Right Absent and Other Means of Protection

Podshivalov Tikhon P.

Deputy Director for Research of the Law Institute of the South Ural State University (National Research University)

PhD (Law)

The article analyzes the case law of the Russian courts regarding the problem of correlation of the action for invalidation of title with other legal remedy. The conclusion is made that the action for invalidation of title with the negatory action, the action for declaration of a real right, which necessitates the adjustment of case law regarding the issue of legal qualification of the investigated legal remedy. The action for invalidation of title has a destructive nature, which makes it different from many legal remedy.

Keywords: civil law, property rights, property claims, claim for recognition of rights as absent, negative claim, contestation of registered rights, claim for recognition of property rights, vindication claim, demolition of an unauthorized building, restitution.

Some Aspects of Prejudice in an Arbitration Procedure in the Collection of Losses Having Arisen as a Result of Unlawful Actions of Authorities Exercising Public Powers

Bogdanov Aleksey V.

Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Civil and Arbitration Procedure of the Perm State University

PhD (Law)

The article analyzes the need to establish in the course of a court dispute on the recovery of damages from a public legal entity the illegal nature of actions (inaction) of bodies with public authority. The possibility of applying the provisions on the grounds of exemption from proof in the recovery of damages from a body with public authority, in the presence of a court decision that has entered into force in the case of challenging the actions (inaction) of such a body, is considered. The author comes to the conclusion that in the judicial process for recovery of damages, the court's decision to recognize a non-normative

legal act as illegal will have a preliminary character in the matter of proving the wrongfulness of the actions (inaction) of the tortfeasor.

Keywords: prejudice, presumption, recovery of damages, state authorities, municipal authorities, challenging a non-normative legal act, burden of proof, illegality of actions (inaction) of the tortfeasor.

Conditions of the Protectability of Geographical Names in Trademarks (Service Marks): Research on Administrative and Judicial Practice

Khotko Aleksey V.

Legal Counsel at Agricultural and Poultry Enterprise Cherkesskoe – Poultry Processing Plant Cherkesskiy Limited Liability Company

PhD (Law)

In his study of the administrative practice by the Russian Federal Service for Intellectual Property (Rospatent) and the Russian intellectual property rights jurisdiction, the author identifies the following conditions for protecting geographical names in trademarks (service marks): their inherent distinctiveness, or fanciful character, determined by the fact that the geographic names are little-known or semantically irrelevant to any goods and services, and distinctiveness acquired by the geographical names through their use.

In the absence of a special regulatory prohibition on state registration of geographical names as trademarks, when a sign's protectability is evaluated for compliance with Art. 1483, para. 1 and 3 of the Civil Code of the Russian Federation, the fanciful nature of a geographical name in a trademark is to be presumed, unless its descriptive nature is proved.

Taking into account the public interest in the use of geographical names, the descriptiveness of such a sign shall be proved on the probability criterion, whilst the distinctiveness acquired through its use shall be proved on the reliability criterion.

In case the judiciary establishes that a geographical name is generally known, and thus it is considered obvious, believable, potential or likely that this geographical name can be perceived by the consumer as an indication of the place of manufacture, or in case the geographical name is recognized as a dominant descriptive element of a compound sign, state registration of such a trademark or its legal protection shall be prevented.

Keywords: trademark, geographical name, toponym, place of manufacture, distinctiveness, standard of proof.

The Principle of Legal Certainty in the Scope of Reopening Cases Under New and Newly Discovered Evidence

Fagmanova Elvina I.

Assistant Judge of the Commercial Court of Moscow

3rd Year Postgraduate Student of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

The article is devoted to finding a balance between the need to correct a judicial error in the review procedure due to new and newly discovered circumstances on the one hand, and between the need to ensure the stability of a judicial act on the other. The study seeks to find the boundary between the principle of legal certainty and the need to adjust an erroneous judicial act, that allows to determine the stability of legal relations through the confirmation of the objective conditionality and fairness of the court decision.

Keywords: law enforcement, principle of legal certainty, reconsidering judicial acts under reopened or new circumstances, erroneous judicial act, stability of a judicial act.

On the Possibility of a Partial Reversal of a Court Ruling Under New or Newly Discovered Evidence

Arkhiereev Nikolay V.

Deputy Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Bashkortostan

PhD (Law)

One of the controversial issues arising in arbitration practice is the possibility of canceling a judicial act due to new or newly discovered circumstances in part. This article analyzes various approaches to solving this issue.

It is concluded that the current procedural legislation does not contain a clear prohibition, which means that the court, using judicial discretion, has the right to cancel its own judicial act in part.

Keywords: arbitration practice, new and newly discovered circumstances, judicial act, review, authority.